

ГАЛИНА РОМАНОВА

КИНЖАЛ В ПОСТЕЛИ

Галина Владимировна Романова
Кинжал в постели
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6666464

Галина Романова. Кинжал в постели: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70350-0

Аннотация

Еще сегодня утром Сергей Боголюбов не знал, куда себя девать, выйдя за ворота тюрьмы. Не понимал, кто и почему похлопотал за него, чтобы он оказался на свободе на два года раньше. Он собственноручно расправился с убийцей своего сына, за что и получил девять лет. А теперь Алика Верещагина, вытащившая его из-за решетки, просит найти и наказать того, кто свел счеты и с ее мужем. Обстоятельства его гибели точно такие же, как в случае с сыном Сергея: исчезновение, требование выкупа, потом искореженный, сгоревший автомобиль, обезображенное тело. Муж Алики погиб сравнительно недавно, а ведь Сергей уже покарал преступника, получается, он убил невиновного?.. Алика зародила в его душе сомнения, но повторять свои ошибки Сергей не намерен, у него появился шанс начать новую жизнь с любимой женщиной...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	69
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Галина Романова

Кинжал в постели

Глава 1

Он ненавидел мир, в котором очутился, ступив за железные ворота. В нем не было ему места.

Ненавидел солнце, брызнувшее в глаза ярким светом. Он от него отвык.

Ненавидел нежную голубизну небосвода. Он привык его видеть сквозь прутья решетки.

Ненавидел траву, жухлые стебли которой тут же принялись скрестись о его грубые ботинки. Несколько последних лет он ходил по пыли и асфальту.

Ненавидел дорогу, серой шершавой лентой перерезавшую запущенный луг.

Он не знал, куда идти по этой дороге! Не знал: налево или направо?

Как все было просто минувшие семь лет. Вся его жизнь, каждый его день делились на два отрезка: от подъема до отбоя и от отбоя до подъема. После подъема мир его был наполнен серыми угрюмыми лицами. Опасность! Сигнальной надписью он пометил каждого, кто приближался к нему ближе чем на метр. Был зол, нелюдим, немногословен. Зарабо-

тал кличку Удав за пристальный немигающий взгляд и силу рук, сдавивших однажды горло одному зэку так, что того еле высвободили. Заработал ко всему прочему хронический бронхит и чуть не срезал себе болгаркой два пальца на левой руке. Едва спасли конечность в лазарете.

Так он жил после подъема.

После отбоя к нему приходили его близкие. Тихими безмолвными тенями они окружали его, призывали к терпению, шептали всякие ласковые слова, которые он так боялся забыть. Каждую ночь он ждал с ними свидания. Каждое утро с болью просыпался.

И к этому привык, как к грубой тюремной робе и баланде, которую приучился жрать с аппетитом.

Он ко всему привык. И, наверное, смог бы дожить здесь остаток своих дней. Но его вдруг досрочно освободили.

– Зачем?! – вытаращился он на командира отряда. – Я разве писал прошение?!

– Кто-то есть у тебя на воле, кто за тебя очень переживает, ну и похлопотал.

– Чего же ждал так долго? – скривился он тогда. – Семь лет прошло! Осталось сидеть пару лет каких-то.

– Сам спросишь! – рявкнул командир отряда и провел ребром ладони по кадыку. – Мне все ваши дела вот где! Я вашим дерьмом настолько сыт, что...

Потом он с наслаждением выругался и отправил его вон. А он следующие три недели – срок до освобождения – ло-

мал голову, кому это он понадобился на воле. У него же никого не осталось там. Никого! Он один! И вдруг кто-то хлопчет!

Хлопотун его не встретил. Он долго вертел головой направо и налево, думал, увидит приближающуюся машину. Никого! И пошел налево. Там в километре от зоны была автобусная остановка на развилке трех дорог.

В его спортивной сумке, прекрасно сохранившейся за эти семь лет, у него была смена белья, три пары носков и пять тысяч наличности. Была еще справка об освобождении и связка ключей от его квартиры, гаража и машины. Но он мало верил, что квартира сохранилась. Наверняка какие-нибудь ушлые риелторы прибрали ее к рукам. Не жалко квартиры, это всего лишь стены, пустые и бездушные, там бродит печаль. Жалко вещей Маши и Семена. Их скорее всего не оставили, выбросили. Он бы так не сделал. Он бы все отдал в монастырь, к примеру. Или в детский дом какой-нибудь. У Семена было много детских игрушек, их сменили игровые приставки, потом навороченная акустика, оргтехника, это когда он повзрослел. И все это было цело. Маша ничего не выбрасывала.

«Мало ли, – отмахивалась она от него, когда он нацеливался на мешок с плюшевыми медведями, собаками и зайцами. – Внуки будут! Им пригодится!»

Внуков не будет. У него никогда не будет внуков. Потому что теперь у него нет сына и нет жены. И он бы раздал все

их вещи нуждающимся. Красиво упаковал и раздал.

Но ведь наверняка все давно на свалке...

– Сережа!!! – ахнул Матвей Ильич, столкнувшись с ним у подъезда. – Вернулся, сынок!!! Хорошо, молодец!

Он растерялся. Встал у подъездной двери навытяжку, как перед конвойным. Глянул на соседа исподлобья.

Почему ветеран войны, уважаемый человек, на груди которого бывало тесно наградам, когда он их надевал к празднику, вдруг называет его сынком?! Почему искренне радуется его возвращению?! Он разве забыл, что его сосед – Боголюбов Серега – отсидел за убийство семь лет?! Почему он протягивает руку урке?!

– Рад, искренне рад, что ты вернулся, – проговорил Матвей Ильич, потряхивая его руку. – Сколько же ты?.. Гм-мм...

– Семь лет, Матвей Ильич, – глухим, привычным для зоны голосом ответил Сережа. Задрал голову к своим окнам на пятом этаже. – Кто там сейчас, Матвей Ильич?

Сосед проследил за его взглядом, изумленно моргнул раз другой, прищурился подслеповато.

– Как кто? Никого!

– Что, квартира моя цела?

Не знал, верить ему или погодить пока. Может, теперешние жильцы на работе, может, в отъезде.

– Квартира твоя цела, Сережа. Еще как цела. Мы тут всем миром ее стерегли, – похвастался Матвей Ильич. – Моя бабка цветы поливала Машины. Ухаживала за ними. И квартиру

прибирала. Не часто, конечно. Здоровье уже не то, но сохранили все точь-в-точь, как при Маше и Семене было. Может, что не так? Ты уж извини, ежели мы...

– Все в порядке, Ильич, – отозвался Сережа, выпустил стариковскую руку и шагнул в подъезд.

Господи, как все здесь узнаваемо! Как все привычно! Ящики для почты в два ряда. Лифт с горящей кнопкой, значит, торчит где-нибудь наверху. Выщербленная плитка на первом этаже. Прохладно, что приятно при августовской жаре. Пахнет хорошо.

Он не стал дожидаться лифта, он никогда его не ждал. Пошел наверх пешком. Долго стоял у своей двери, красивой, тяжелой металлической. Поставил почти сразу, как они въехали. Считал, что такая дверь способна защитить его родных от беды. А беда – она сквозь любые двери и стены пройдет. Она в любую щель просочится. Ключи звенели, когда он подносил их к замочной скважине. Потому что руки тряслись.

Он распахнул дверь, и дыхание перехватило.

Сейчас, вот сейчас из их комнаты выйдет Маша. Устало улыбнется, выразительно посмотрит на часы, едва заметно качнет головой. Опять он поздно! Ну, сколько можно! Он обхватит ладонью затылок жены прижмет ее щеку к своей, вдохнет родной запах, шепнет: «Привет, любимая...»

Следом из своей комнаты выйдет Семен. Повзрослевший, красивый, высокий, гибкий. Протянет ему руку, заулыбается, спросит: «Па, ужинать будем...»

Раньше, еще тогда, восемь лет назад, все это было привычным, обыденным, не казалось значимым. Ну, семья, ну встретила его, она каждый вечер его встречала на пороге. Что такого-то? Не заходиться же по этому поводу восторженным клекотом.

Потом только понял: он без этого не может. Это как дышать! Их нет, и дышать невозможно.

Сергей зашел в дом, запер за собой дверь, швырнул сумку на пол, снял ботинки и осторожно комнату за комнатой пошел обходить квартиру.

Мебель на месте, шторы все те же. Видимо, их стирали, и не раз. Пыли не было. Ковры вычищены. Посуда в шкафах сияет. Все вроде бы так же, но все не так. Не было вещей Маши и Семена, их полки в шкафах оказались пустыми. Не было их фотографий, не было полотенец, не было зубных щеток и тюбиков с кремом и бритвенного станка. Все это исчезло, растворилось за семь долгих лет. Все это соседи сочли своим долгом убрать отсюда.

Соседи или кто-то еще. Кто-то, кто похлопотал за него, вызволив с зоны на два года раньше. И этот кто-то не пожелал его встретить.

Он заглянул в холодильник, он был пуст, но работал. На полках нет съестного, а он бы сейчас чего-нибудь съел. Решил выкупаться, переодеться, а потом уже в магазин сходить.

Собственная ванная показалась крохотной и тесной. Он

то и дело задевал локтями за стены. Зеркало тут же запотело, но он не стал его протирать. Смотреть на себя не хотелось. Он знал, что увидит: пустые злые глаза, серое лицо, седой ежик волос, крепко стиснутые губы. Порывшись на полках, нашел темные джинсы, тонкую сорочку в клетку с короткими рукавами, в обувных коробках нашлись кроссовки, которые он – помнит – надел лишь пару раз перед сроком. Взял ключи от гаража и машины, чтобы просто проверить, ехать никуда не собирался. Магазин за углом, куда катиться? Да и не к кому. Родни здесь не было. Всех двоюродных давно растерял. Друзья...

Друзья не писали. Стыдно было дружить с человеком, который убил, пусть даже в состоянии аффекта. Он не обижался. Он их понимал.

Улица опалила зноем, время перевалило за три часа дня. Он решил сначала сходить в магазин, а потом уже навестить «малютку», так он всегда называл свою тачку. Но его неожиданно окликнули. Почти сразу, как он двинул от подъезда.

– Боголюбов! – позвал его требовательно женский голос. – Сергей!

Он повернулся, осмотрел улицу. Никого знакомых. Люди шли неспешно, кто вел детей за ручку, кто нес пакеты с продуктами, кто прогуливался под руку с любимым. Но никого не было среди них, кто мог бы знать его и кого мог бы знать он. Он нервно дернул левым плечом и снова пошел в сторону магазина. И опять:

– Боголюбов! Сергей!

Да твою мать, а!!!

Он резко остановился и решил ждать. И увидел!

Женщина. Молодая. Красивая, симпатичная, уродина или нет, не видно было с того места, где он стоял. Женщина одной рукой держалась за дверную ручку своего внедорожника, второй призывно ему помахивала. Он ткнул себя пальцем в грудь, уточняя, его зовут или нет. Она суматошно замотала головой. И Боголюбов решил подойти. Хотя бы просто потому, что интересно было ее рассмотреть: красивая она или уродина?

Ей на вид было лет тридцать, тридцать пять, потом выяснилось, что двадцать девять. Белокожая, белобрысая, с зализанными в высокий хвост волосами. Голубые глаза без тени макияжа смотрели устало и настороженно. По щекам рассыпались смешные веснушки, носик – остренький, аккуратный, веснушек не носил. Губы полные, четко очерченные, но очень тусклые, очень. И вся она была очень тусклой, словно жизнь уходила из нее по капле. Она напомнила Боголюбову чахлое растение, лишенное света. Фигуру он вообще оставил без внимания. Заметил только мимоходом, что надето на женщине что-то мешковатое, объемное, серое.

Тот еще экземпляр, сказал бы его бывший друг Мишка Стрельников. Как он теперь, интересно? Когда Боголюбова посадили, он только-только бизнес свой затевал. Хороший, к слову, бизнес. Идея была общая, деньги в основном Миш-

кины. Боголюбов вложил одну треть. Исполнение тоже подразумевалось общим, но так уж вышло. Да и ладно, как вышло, так и вышло.

— Вы меня? — спросил Боголюбов, останавливаясь от женщины и ее машины метрах в двух.

— Да, — кивнула она, сделавшись тут же строгой и сосредоточенной. — Вы ведь Боголюбов? Сергей Иванович Боголюбов? Сорока двух лет от роду, недавно...

— Да, — перебил он ее нелюбезно, прекрасно поняв, что она скажет дальше. — Что хотели?

— Есть разговор. — И она потребовала: — Садитесь в машину.

— А если не сяду? — криво ухмыльнулся он, но все же тихо двинулся к пассажирской двери. — То чё?

— Тогда я приду к вам домой. А вам бы этого не хотелось. — Она села за руль, дождалась, пока он усядется, и проговорила: — Сейчас прокатимся недалеко.

Честно? Ему было все равно! Вообще все равно!

Едет он или идет. Везет ли его некрасивая, тусклая женщина, или рядом сидит головорез бритоголовый. Везут его на разборки или в гости к старенькой тетке, о существовании которой он не знал до сих пор. Такая мысль тоже мелькнула, не вызвав, впрочем, никаких чувств.

В общем, ему было все равно, времени у него вагон.

Они выехали за город. Через тридцать километров съехали с шоссе, попетляли по поселку. И остановились наконец

у старого бревенчатого дома с недавно перекрытой крышей. Забор тоже был новеньким, и плодовые деревья нестарые. Одна из яблонь обильно плодоносила. Антоновка, с чего-то решил Боголюбов, проходя мимо дерева. В сортах он совершенно не разбирался. Просто вдруг вспомнилось название, и все.

– Входите, – приказала женщина, отпирая входную дверь. – Разувайтесь. Тапочки слева.

– Не стану я разуваться, – вяло опротестовал Сергей. – И тапки мне ваши ни к чему. Если боитесь, что наслежу, говорите здесь.

Первый раз за минувшие полтора часа после их неожиданной встречи она растерялась. Глянула на него заполошным взглядом, судорожно сглотнула, сжала, разжала кулачки. Потом кивнула:

– Хорошо... Не разувайтесь. Входите.

Он вошел в темную прихожую. Слева во всю стену зеркало. Справа во всю стену громадный шкаф-купе. И все. Ах да, еще тапки, приготовленные для него и для нее.

– Туда. – Она мотнула остреньким подбородком вправо. – Там гостиная.

В гостиной стоял большой полукруглый диван под окнами. Огромный, размером с бильярдный стол темного дерева в окружении семи стульев. У дальней от входа стены стояла горка с посудой. Лохматый оранжевый абажур над столом. Под ногами пушистый ковер. Дорогой, решил тут же Бого-

любов и застыдился того, что не разулся. Старательно обошел ковер по кромке, сел на диван между окнами, уставился на хозяйку.

– Чай, кофе? – Она смотрела на него в упор, было заметно, что заботы о ее ковре ее тронули.

– Вообще-то... Я бы съел чего-нибудь, – признался Боголюбов. – Вы поймали меня как раз на пути к магазину.

– Хорошо. Сейчас станем обедать.

И ушла куда-то. Через минуту загремела посудой. Боголюбов еще раз прошелся взглядом по стенам. Стены как стены. Аккуратно выкрашены лимонной краской. Под ногами паркет, старинный, сейчас такого не делают. Ковер цвета лимонного с синим. Шторы на окнах, что и абажур, оранжевые, красиво подхваченные. Посуда в горке самая обычная. Стекло, недорогой фарфор, какие-то фарфоровые статуэтки. И что странно, ни одного портрета, фотографии, картины. Ничего! Безлико как-то, пусто. Как в гостинице.

У него вон тоже теперь стены безликие. Без характерных признаков присутствия чьего-то счастья. Соседи убрали вещи, фотографии. Еще предстояло спросить, куда они все это подевали. А может, эта дамочка распорядилась, а? Она как-то уж слишком уверенно ждала его у подъезда, словно знала точный час его возвращения.

Так, стоп! А не она ли тот самый благодетель, что выхлопотала для него условно-досрочное освобождение? УДО.

Он встал и пошел на звон посуды, решив уточнить. Не то

чтобы разволновался. Просто разожгло любопытство.

Дама хлопотала в большущей кухне с дубовой мебелью. В центре такой же большущий стол темного дерева, семь стульев по кругу. Точно такой же оранжевый абажур над столом, такие же шторы, но стены не лимонные, темнее. Ковра не было. И овального дивана тоже. Вместо него между окнами стояло два изящных креслица и кофейный столик. На нем ничего не было. Зато на обеденном появилось все на две персоны. Боголюбов запаниковал. Он последние семь лет манерничать разучился. Жрал все больше из железной посуды. Или из пластиковых стаканчиков, если получалось запарить «бомжа».

А тут! Белоснежные салфетки в хрустальном колечке. По две вилки слева, нож и ложка справа. Красивые большие тарелки одна на другой.

Дама его появлению не удивилась. Проворно доставала из духовки и шкафа какие-то судки, гремела кастрюлями.

– Вас как зовут, уважаемая? – спросил Боголюбов, вдруг рассмотрев, что под балахоном она стройная, грудастая и длинноногая. – Меня-то вы отлично знаете.

– Да, вы даже представить себе не можете, насколько я вас хорошо знаю, – кивнула она. – Меня зовут Алика. Можно Аля.

– Фамилия у Алики имеется?

Имя ему вдруг понравилось. Необычное, экзотическое, мягкое. Он проговорил его несколько раз про себя, имя тут

же прижилось.

– Есть. Гладьева. Это по мужу. – Ее согнутая над духовкой спина напряглась, и следующие слова она произнесла с болезненным надломом в голосе: – Раньше я была Верещагина. Потом стала Гладьевой. Теперь снова Верещагина.

– Развод?

Зачем спросил? Ему-то что? Хотя Верещагина ему понравилась больше Гладьевой.

– Нет. То есть да, сначала. Потом... Потом все изменилось, но... Я запуталась настолько, что... Что мне понадобилась ваша помощь. И я добилась вашего освобождения. Вот...

Она выпрямилась, еле удерживая в руках огромное блюдо, накрытое крышкой-полусферой. Конечно, он ничего не понял из ее лепета. Инстинктивно подхватил из ее рук тяжелую ношу. Поставил в центр стола. Она кивнула дважды. Первый раз вверх-вниз прошелся ее подбородок. Так она благодарила. Второй раз качнула головой в сторону стола. Приглашение к обеду.

Они расселись напротив. Алика, прежде чем сесть, заваляла его тарелку ароматными кусками мяса в густом соусе.

– Ешьте. Приятного аппетита, – пожелала она бесцветным голосом.

Себе положила ложку салатика, состоящего из одной травы и тонко порезанного огурчика.

Он все быстро съел, сложил приборы, понаблюдал за тем,

как она варит кофе, наливает крохотную чашку. Ставит перед ним.

– Спасибо, – кивнул он в сторону опустевшей тарелки. – Было очень вкусно.

– На здоровье. – Она пить кофе не стала, продолжая возиться в салате вилкой. – Вы наелись?

– Вполне.

– Можете теперь внимательно меня выслушать?

– Постараюсь.

Кофе он выпил одним глотком. Вылез из-за стола и сел на кресло у кофейного столика. Так ему захотелось. Алика осталась на месте. Он теперь наблюдал ее профиль, четкий, не оплывший. А она ведь молода, решил он вдруг. Очень молода. И очень несчастна, кажется.

– Как я вам уже говорила, я была замужем, – начала она. – Мой муж Гладьев Алексей. Хороший человек, не пропащий, удачливый, обеспеченный. Мы хорошо с ним жили. Очень хорошо! До некоторых пор...

– Другая женщина? – предположил Боголюбов.

История стара как мир. Как только появляются деньги, возникают новые интересы, завязываются интересные знакомства, хочется новизны эмоций и так далее. Ему сделалось скучно. В чем он ей должен помочь? Проследить за мужем-изменщиком? Помочь ей вернуть его обратно?

– Да. У Леши появилась другая женщина. Очень активная, агрессивная в желаниях.

Ее точеный профиль, который Боголюбов наблюдал с удовольствием, вдруг смазался, поплыл. По левой щеке, обращенной в его сторону, потекла слеза. Этого ему еще не хватало! Он четыре часа как на свободе не для того, чтобы утешать женщин в их истериках. Они ему не нужны! Ни истерики, в смысле, ни женщины!

– Она начала подбивать его к разводу. Он запутался... И... И взял и все рассказал мне.

– И что же вы?

– Я не спала неделю. Не могла есть, пить, разговаривать. Он тоже очень мучился, страдал.

– Еще бы! – фыркнул цинично Боголюбов. – Выбрать из двух любимых женщин одну очень сложно. Особенно когда не знаешь, которую из них ты любишь по-настоящему.

Она не обиделась. Кивнула согласно.

– Да, он не мог выбрать. Уехал куда-то. Я была уверена, что с ней. Но нет, он уезжал один. Эта дама наносила мне визиты, решив, что я... Ладно, это не важно. Потом Леша вернулся и вдруг как-то разом определился. Сказал, что жить без меня не может и все такое. Мы решили начать все сначала. – Алика нежно погладила скатерть на столе, уставилась на свои ладони, грустно улыбнулась. – Представить себе не можете, как мы были с ним счастливы в те дни. Такая новизна в чувствах. Такая эйфория! Мы будто с того света вернулись!

– И?

Она вздрогнула, глянула на него испуганно.

– И что же потом стряслось? Это ведь не конец истории, как я понимаю?

– Нет. Не конец. Конец наступил месяцем позже. Он позвонил мне. Конец рабочей недели, канун Восьмого марта. Мы столько напланировали... И тут вдруг он звонит. – Алика выбралась из-за стола, прошлась по кухне, остановилась возле Боголюбова, тронув его за плечо. – Скажите, вы помните, как у вас тогда все произошло?

– Когда?

Он напрягся. И не потому, что забытое прикосновение женской руки его взволновало. А потому, что тут же понял, что она имеет в виду. Она – Алика Верещагина, случайная женщина, совсем не случайно поджидавшая его у подъезда – хочет, чтобы он вспомнил тот день, когда на него свалилась страшная беда.

– Вы узнали голос сына, когда он звонил вам в тот день?

– Зачем вам это?! – Боголюбов рывком поднялся, шагнул к двери из кухни. – Что вам от меня нужно?! Кто вы вообще такая??? Какого черта???

– Вы узнали голос сына, я читала ваше дело, – проговорила Алика, спрятав взгляд, ее глаза в эту минуту будто умерли. – Вам позвонил ваш сын и срывающимся на шепот голосом попросил помощи. Он сказал вам, что попал в беду и что ему срочно нужны деньги. Много денег! Вы попытались расспросить его, но он отключился. Он еще трижды звонил вам и просил все ту же сумму. На ваши вопросы он не отвечал,

просто обрывал разговор и все. И потом телефон его все время был отключен. В милицию идти запретил. Сказал, что тогда его убьют. Деньги просил привезти в его старой спортивной сумке на остановку «Университетская». Оставить сумку на скамейке и уезжать. На все про все он вам отвел три дня. Что сделали вы?!

Ничего!!! Он ничего не сделал тогда! Он просто оцепенел от нереальности происходящих событий. Оцепенел, одеревенел, не поверил и ничего не сделал. Он не пошел в милицию. Он не стал собирать деньги. У него их просто не было! Таких денег не было. Все, что имелось, незадолго до этих событий он отдал своему другу – Мишке Стрельникову на развитие их общего бизнеса. Не просить же их было обратно, тем более что машина уже закрутилась. Он ничего не сделал, решив тогда, что его разводят. Что это телефонные хулиганы шалят. Дождались, когда сын его улетит в Египет по путевке, и упражняются.

– Лохотрон! – отрезал он тогда категорично, когда Маша в слезах уговаривала его собрать деньги, ей сын будто бы тоже звонил. Но она рассказывала об этом как-то неуверенно, с сомнением. – Ты что, не знаешь, как это делается?! То положить денег просят на счет, то еще что-то. Семен в Египте, отдыхает. Прекрати реветь...

Изуродованное тело сына он опознавал неделю спустя. Оказалось, что он не был в Египте. Он даже из страны не вылетал, хотя и звонил им из аэропорта и утверждал, что про-

шел регистрацию. Но Сергей узнал об этом потом, потом.

– Это ты-ы-ы... Ты во всем винова-а-ат!!! – рыдала Маша. – Никогда не прощу-ууу, убирайся!!!

Он ушел сразу после похорон куда-то. Где-то спал, с кем-то пил, с кем-то говорил, ничего не помнил из тех провальных дней, ничего. Домой он боялся возвращаться. Там жила Маша. Там жило горе, которое она не захотела с ним разделить и в котором он винил себя.

А через месяц после Семена не стало и Маши. Она просто уснула, наглотавшись таблеток, и все. Это был ее выбор. И он ее за это не осудил. Но неожиданно протрезвел организмом и мыслями. И решил, что прежде чем он присоединится к сыну и жене – а это он планировал, – он должен будет кое-что для них сделать.

Он решил найти этого ублюдка и поквитаться с ним. Он начал искать. Долго искал, год почти. Он землю носом рыл, он как-то зарабатывал неплохие деньги и тут же их спускал на поиски. Нашел...

Нашел эту сволочную банду, которая разводила честных людей на деньги посредством лживых эсэмэс и звонков. Кому-то сломал нос, кому-то руку, но вышел на их руководителя, который отдавал приказы и... и убил его.

«За что ты его так, сволочь??? – орал Боголюбов, сдавливая толстую шею трясущимися руками. – За что ты его убил???»

«Я никого не убивал! – хрипел ублюдок, пытаясь вырвать-

ся. – Я никогда никого не убивал... Я мошенник, я не убийца!»

Сергей ему не поверил и убил эту жирную сволочь. И получил девять лет строгого режима. Потому что был злой умысел, то есть преднамеренное убийство. Состояние аффекта, на котором настаивал адвокат, не прокатило.

Вот и вся его история.

– Вы узнали голос вашего сына и не пришли ему на помощь. И его убили, – безжалостно бубнила Алика. – И я узнала голос моего Алексея. Я пришла ему на помощь, я собрала деньги, отнесла их туда, куда он велел их отнести, а его все равно убили... И я... я хочу, чтобы вы его нашли!

– Кого?!

Сергей попятился. Он ожидал всего, чего угодно, но только не этого.

Он не станет, черт побери! Он не хочет повторения кошмара. Он не хочет судорожного ожидания, не желает никого убивать. Он вообще не обязан помогать этой дамочке с таким благозвучным чувственным именем.

– Того, кто убил моего мужа. Вы должны его найти! Именно поэтому вы оказались на свободе на два года раньше. Я помогла вам через своих знакомых. – Алика подошла к нему почти вплотную, глянула, будто обожгла. – И вы найдете его.

– Нет! – Он отчаянно замотал головой. – Этого не будет! Я не стану этого делать! Я больше никого никогда не трону пальцем, я...

– А я и не призываю вас его убивать, что вы, – с тихой ухмылкой, чуть отдающей сумасшедшинкой, перебила она его. – Я хочу, чтобы вы его нашли, и все!

– Я не смогу! – Боголюбов махнул рукой в сторону ее богатой кухни. – У вас, я вижу, достаточно средств, чтобы нанять частного сыщика. Вот и действуйте! К тому же я не просил вас освобождать меня раньше срока!

– Хотите вернуться? – оскалилась она, как молодой хищный зверек. – Могу устроить.

Нет! Вернуться он точно не хотел! Еще сегодня утром он не знал, куда себя девать, выйдя за ворота. Не знал, в какую сторону от ворот поворачивать. Его все злило и все казалось ненавистным. Но воздух свободы за пару часов опьянил его. Он хотел им дышать еще, еще и еще.

– Не хотите, – удовлетворенно констатировала Алика. – Вот и хорошо. Поэтому вы должны найти его для меня. Как только найдете, отойдете в сторону. Дальше я сама.

– С чего вы решили, что у меня получится? – спросил Боголюбов и на всякий случай отошел подальше.

Дамочка хоть и выглядела уравновешенной, кажется, имела в арсенале личностных качеств кое-что взрывное и опасное.

– У вас же один раз это получилось. – Алика прошлась по кухне, подошла к кофейной машине, потюкала ноготком по ней. – Еще кофе?

Боголюбов нервно дернул плечами. Ему все равно! Ста-

нет она варить кофе, нет – без разницы. Она не выпустит его из своих цепких коготков, она вцепилась намертво. Она станет рвать ему душу, контролировать, мотать нервы. И какая разница, пьет он при этом кофе или нет? Вот ведь, вырвался на свободу из одних застенков, тут же попал в другие.

– Мне надо подумать, – проворчал он, отворачиваясь, и уточнил: – Это я не про кофе.

– Я поняла, но... – Он услышал, как шуршит ее одежда, она снова подошла к нему вплотную. – Но у вас нет выбора. Либо вы помогаете мне, либо возвращаетесь туда, откуда сегодня вышли. Это устроить еще проще.

Боголюбов досадливо крикнул, подавив ругательство, и вышел на улицу. Солнечные лучи, запутавшиеся в ветках деревьев, кроили ее сад на фрагменты. И ему неожиданно захотелось прыгнуть в самую густую, самую темную чащу у дальнего забора. Зарыться с головой в зеленые пыльные листья, закрыть глаза, забыть все хоть на какое-то время. Чтобы в голове, в душе, в сердце не было ни боли, ни сострадания, ни жалости, ни злости. Ничего! Только пустота! Так, наверное, будет легче, да?

– Вам не удастся спрятаться, Сережа.

Ее голос, глухой и безжизненный, заставил его вздрогнуть. Он обернулся. Алика стояла в паре метров от него, привалившись спиной к стволу яблони. Смотрела жестко и надменно.

– Я не собирался убежать, – огрызнулся он и снова глянул

на дальние жасминовые кусты, утопающие в тени. Благодать, наверное, там.

– Я не об этом. – Алика удивленно подвигала бровями. – Я о том, что вы не спрячетесь от своей боли нигде. Она будет грызть вас долго, может быть, всю жизнь. Боль и сомнения.

– Что?! – Боголюбов так резко повернулся к ней, что хрустнуло в шее. – Что вы сказали?!

– Вас ведь грызут сомнения, не так ли? – И она снова пошла на него, решительная, безжалостная, с холодным блеском в глазах.

– Сомнения? Какие сомнения? – Он устал от нее пятиться, поэтому остался на месте, даже когда почувствовал на своем лице ее дыхание. – Какие сомнения вы имеете в виду?

– Вас ведь посещали мысли... – Ее губы расплзлись в отвратительной ухмылке. – А того ли человека вы убили?..

Глава 2

– Михаил Федорович, у меня к вам срочное дело, – раздалось в трубке телефона внутренней связи. – Я зайду!

Тут же накатило глухое раздражение. Не от голоса жены, нет, хотя он давно терпел его с большим трудом. От ее напористости, безапелляционности, наглости, можно даже и так сказать.

У нее срочное дело! И она зайдет! А у него дел нет срочных, что ли? Могла бы спросить для приличия, может, он в кабинете не один. Может...

Он тут же представил перекошенную физиономию супруги, ее широко распахнутый рот, застань она его с молодой бухгалтершей, принятой два месяца назад. Бухгалтерша была прехорошенькой, он бы ее точно...

Дверь отлетела в сторону, едва не задев стеклянный шкаф у стены.

Супруга Жанна! Кто же еще мог себе позволить так врываться в его кабинет? Он, мать его, сам к себе так не входил никогда. Потому что, мать его, ценил все, что нажито непосильным трудом! Потому что кровью, потом и долгими бессонными ночами ему все досталось! А эта курва толстожопая его дверями колошматит о его шкафы!

– Полегче, Жанна, – скрипнул Миша зубами, уставился на нее исподлобья. – И прежде чем врываться в мой кабинет,

спросила бы, один я или нет?

– У твоей профурсетки спросила. Она сказала, что один, – беспечно махнула рукой жена, с грохотом выдвинула тяжелый офисный стул, приземлила с оханьем на него свою толстую задницу. – Уволю я ее, Мишаня. Точно уволю!

– Кого на этот раз? – Он подпер кулаком щеку, с такой силой впечатав локоть в стол, что сделалось невыносимо больно и локтю, и щеке. Но это хоть как-то отвлекло от неприязненного чувства, сковавшего грудь.

– Секретутку твою! – полыхнула на него огненным взглядом Жанна. – Кого же еще?!

– С чего это? Она с работой хорошо справляется и...

– Она с шириной твоей хорошо справляется, – перебила его Жанна, хлопнув со звоном ладонью о стол. – И с тем, что под ней!

– Прекрати. – Он болезненно поморщился.

Ревность жены его изводила, она портила ему кровь, доводя ее до кисельного состояния. Он и сам себе уже казался человеком-студнем, которым помыкает толстая некрасивая супруга.

– Прекращу когда-нибудь. Вот как избавишься от меня, так и прекращу! – закончила она плаксиво. – Ты ведь мечтаешь, я знаю!

– Жанна-а-а... – протянул Миша с тоской в глазах, эту песню он слушал последние несколько лет. – Давай не будем, а!

– Я знаю! Знаю, о чем ты мечтаешь! – оседлала она любимого конька, теперь ее останавливать смысла не было, пока не отчитает положенное количество строк, не заткнется. – Мечтаешь о молодой, красивой, нарядной. Я-то, что ни надену, все одно, как куль! И детей у нас нет. И ты хотел бы, а я... Мишка, но ведь я люблю тебя, ты же знаешь. Очень люблю! А этим молодым, им только деньги давай. Молодую бухгалтершу видел? Видел, видел! Так вот про нее знаешь что говорят? Про нее говорят, что она уже троих разорила! Представляешь, троих!!!

Три толстых пальца жены встали частоколом перед его носом.

– И я не хочу, чтобы ты был четвертым! Не хочу. К тому же... – Тут ее голос избавился от плаксивых интонаций, обрел силу и... – К тому же бизнес у нас с тобой общий, и я не позволю, чтобы какая-то дрянь претендовала на наши деньги. Они ведь у нас с тобой поровну, Миша!

Закончила, как обычно, торжественно. И Михаилу тут же захотелось ее схватить за толстую шею и ударить что есть силы мордой о стол. Приплюснуть о стол ее толстой, некрасивой мордой с жирным подбородком, вечно сальным носом, вялыми губами и бесцветными глазенками. И прошептать ей на ухо: «Заткнись, тварь! Заткнись и слушай...»

И наговорить ей такого! Такого, о чем давно мечталось, так рвалось с языка, что порой даже снилось!

Но нельзя, блин! Нельзя, потому что она права – эта гадина

на, бизнес у них общий. Не мог он тогда, восемь лет назад, поступить по-другому. Они квартиру ее матери и дом продали, чтобы раскрутиться. И Жанка поставила обязательное условие: раз деньги мамины, бизнес оформляем пополам. Он и оформил. Правда, там не только их деньги были. Еще и Боголюбов Серега вложился, но вложился не так, чтобы уж очень. Кажется, треть всего. Да и когда это было! Сел он! На долгие годы сел за страшное преступление. И выйдет ли теперь оттуда живым или нет, неизвестно.

– Я не позволю, чтобы какая-то дрянь претендовала на наши деньги, Мишаня! – зазвеневшим теперь уже голосом повторила Жанна.

– Может, хватит, малыш? – произнес он примирительно и потянулся к ее толстой ладони, возлежащей на столе, как сдобная булка. – Сколько же можно, а?

И снова, прямо даже помимо его воли, представилась ее расплуснутая о стол слюнявая физиономия.

– Что хватит?! Что хватит?!

– Никто не станет претендовать на наши деньги, потому что претендовать некому, малыш, – осторожно соврал Миша. – У меня никого нет.

– О как! – фыркнула она недоверчиво. – Нет у него никого! А как же секретутка предыдущая? Я, что ли, не тебя на ней застала?

– Это когда было-то? – Он опустил глаза.

Вспоминать ужас полугодовой давности не хотелось. Жан-

ка тогда раньше времени вернулась из служебной поездки и застала его с Валечкой прямо на его служебном диванчике в этом самом кабинете. Валечка лишилась нижнего резца, клока волос, а у него под глазом полтора месяца сходила гематома.

Ужас!!!

– Ладно, хрен с ними, с твоими шалавами. Я им цента не отдам и тебе не позволю. Я о другой твари, которая может претендовать на наши деньги. – Ее бесцветные глаза сузились, и на Михаила глянула прямо-таки змея.

– О какой? – Он обязан был спросить и спросил.

– Боголюбов!

– Чего?! – Миша облегченно рассмеялся. – Серега, что ли? Так он ведь сидит! Ты чего? И много тех его денег? Чё он там вложил-то?

– Если проанализировать всю прибыль, полученную нами за минувшие восемь лет, то его доля на сегодня никак не меньше... – Последовала зловещая пауза. – Пяти миллионов, Миша...

– Что??? – Он ахнул и приподнялся. – Сколько, сколько???

– Пять миллионов, Миша! И это только по официальным отчетам, а если взять все, то сам понимаешь! Дела-то наши идут, дорогой друг. И идут неплохо. И... И твой уголовник дружок наверняка информирован.

Жанка отвернула морду к окну, представив ему на обо-

зрение оплывший профиль.

– Слушай. – Он постарался отвлечься от неприятной внешности жены и сосредоточиться на ее словах. – Но при чем тут Боголюбов? Он сидит и, вообще, вряд ли станет претендовать.

– С чего это? – фыркнула она с силой, разбрызгав слюну. – С того, что вы когда-то были друзьями? А что ты для него, друг, сделал-то? Адвоката нанял?

– Он отказался, – тут же вспомнил Миша. – А я предлагал.

– Ладно, пусть так. Но хоть раз написал ему? Хоть раз навестил? Посылку отправил? Нет! Какой ты, на хер, друг тогда, Мишаня? – выдала гадина с издевкой.

– Но... Жанка, он сам не хотел ничего. Он замкнулся. Он еще до того, как ему сесть, отошел от меня. И от дел отошел. И ни разу копейки не попросил. Как-то, по слухам, сам зарабатывал, и неплохо.

– И что? Соучредителем-то по документам является. Малой доли, но все же!

– Ничего себе малой! – присвистнул он обескураженно и провел трясущейся рукой по коротко стриженным черным волосам. – Пять лямов! Но, Жанка, ему еще два года сидеть. Что-нибудь придумаем. Обанкротим эту фирму, переведем активы куда-нибудь еще. Что-нибудь придумаем. А?

Он был, конечно, встревожен суммой, которую ему озвучила Жанка, но все же был рад, что она сползла с излюбленной темы его баб на тему его давнего, давно забытого друга.

– Некогда банкротить, Мишаня, – прошипела Жанка анакондой. – Вернулся он!

– Кто?

– Серега твой вернулся!

– Да ладно. – Он нервно хихикнул. – Ему еще сидеть и сидеть. Он полсрока-то хоть отсидел? Ему вообще сколько давали-то? Я что-то уже и не помню.

– Дали ему девять лет. Отсидел он семь, по УДО вернулся, – отчеканила Жанка и глянула на него неприязненно. – На хрена он тебе тогда дался, а? Своих денег, что ли, не хватало на развитие?

– Не хватало, – огрызнулся Миша и сторбился, едва не доставая подбородком стола. – И вообще, идея, если честно, была его. И бизнес-план он разрабатывал. У меня на то время не было такой жилки и таких мозгов. Ничего, кроме денег и дикого желания стать самостоятельным.

– А сейчас разжился? – ядовито ухмыльнулась гадина. – Мозгами-то?

– Отстань! – огрызнулся он впервые грубо. – Когда он вернулся?

– Вчера.

– Откуда знаешь? Может, брехня?

– У меня в его доме, если помнишь, живет подруга Верочка. Так вот вчера ближе к обеду она мыла кухонное окно и прекрасно рассмотрела мужчину, который входил в соседний подъезд. А если бы даже и обозналась, то пожилой

дядька подтвердил. Назвал его по имени. И если бы даже это было совпадением, то потом Серегу часом позже у подъезда подобрала какая-то баба на внедорожнике. И уж она-то его окликнула и по имени, и по фамилии.

– Вернулся, значит...

Михаил зажмурился, пытаясь вспомнить лицо друга, каким он видел его в последний раз перед сроком заключения. Не выходило, черт побери! Всплывала в памяти улыбчивая симпатичная Серегина мордаха с азартным блеском в глазах. Таким он был на тот момент, когда они бизнес замутили. Потом, каким Серега был, когда у него стряслась беда, он его уже не помнил. Да и не видел, наверное. Потому что был жутко занят делами, а Серега где-то скитался, пил, хоронил близких, искал убийцу сына.

Нет, они не пересекались тогда. Точно не пересекались и...

– Жанка, погоди-ка, – он резко выпрямился, поправил скомкавшийся на груди пиджак. – Когда мы документы подписывали учредительные, помнишь?

– Ну!

– Серега ведь был?

– А как же!

– Но какой он тогда был?

– Как какой? Живой вообще-то! – Она раздраженно колыхнула толстым телом, сиденье стула под ней противно чвакнуло съездившейся кожаной обивкой.

– Живой, но чрезвычайно расстроенный и необычайно рассеянный. Мне кажется, он даже не понимал, что подписывает! И поэтому...

– Что? Что поэтому?

– Не надо гнать волну.

– То есть?

– Придет за своей долей прибыли, будем голову ломать. А не придет, и не нужно.

– Предлагаешь, сидеть и ждать, когда Боголюбов соизволит нанести нам визит? Ты идиот совсем, да?! Надо заранее подстраховаться, придурок!!! – Ее лицо пошло волнами, это подкожный жир под ее пористой кожей пришел в негодующее движение. – Надо заранее подстраховаться!

– Да! И как ты себе это представляешь? – огрызнулся он неуверенно.

У него, к примеру, вариантов не было. Попытаться убедить Серегу? Так он наверняка не помнит, что является одним из учредителей. Он, Михаил, буквально его рукой водил по документам, дружище еле сидел на стуле, почти с закрытыми глазами. До того ли ему было!

– Я как себе представляю? – Толстое лицо Жанны сделалось вдруг мучнисто-пепельным. – У меня только один вариант.

– Да? И какой же?

Михаил вдруг занервничал, задергался. Жанкина рожа сделалась еще более отвратительной. А взгляд еще более

опасным. Он догадывался, о чем она думает. Но думать, как она, он не желает!

– Его надо убрать.

– Что-о-о??? – Он встал из-за стола, навис, стараясь быть грозным и тяжеловесным, хотя бы в физическом плане. – Ты совсем рехнулась???

– Нет, не рехнулась. Серегу надо убрать. – Жанка выпятила нижнюю губу, похожую на разъеденную кислотой губку. – Иначе он нам все испоганит. Или... Или ты готов выкатить ему пять лямов?

Он тут же рухнул на место, съежился и часто задышал.

Нет! Пять миллионов он не готов был выкатить. Ни Сереге, ни кому бы то ни было. Это же... Это же колоссальная сумма, блин! Это обнажит кое-какие направления в его бизнесе, если он выдернет эти деньги. Это крушение планов. Этого нельзя допустить.

– Что ты предлагаешь? – вякнул он, отворачиваясь, чтобы не смотреть на ненавистную морду.

– Его нужно устранить, – произнесла она мягко и нежно, будто речь шла не о человеке, а о течи в батарее.

– Каким образом? – спросил он.

Надежда все еще оставалась. Вдруг она придумала что-нибудь достойное. Что-нибудь не такое гадкое, подлое и опасное, о чем ему думалось.

– Его просто не должно быть, – таким же мелодичным, странно не похожим на ее голосом продолжила она.

– Как это?!

– Никак! Его просто не должно быть на земле. Он не должен по ней ходить!

И два ее толстых пальца прошли по столу.

– Ты предлагаешь его убить??? – громким шепотом ахнул Михаил и тут же прикрыл рот рукой.

Страшное дело, на котором настаивала его жена и которое он настойчиво гнал от себя, обрело вполне реальные очертания, оформилось в слова и призывало теперь к действию.

– Да, дорогой. – Она растянула бескровные губы в широкой улыбке.

– Может... Может, ты снова хочешь его посадить? – зацепился он за внезапную уловку, забрезжившую в хаосе отвратительных мыслей. – Но за что?

– Я не хочу его посадить, идиот. Я хочу, чтобы его не было вообще!

– Вообще... – упавшим голосом повторил Михаил и сгорбился пуще прежнего.

– Да, вообще.

– У него нет шансов?

– У него нет, а у нас появится. Шанс на свободу, Миша! Мы никогда больше не будем бояться, что явится некто и начнет трясти наши активы, требовать отчета, требовать денег, объяснений. Никогда! Никто!

– Но...

– Никаких «но»! У него нет наследников! И даже наслед-

ников второй, третьей и четвертой очереди, я узнавала. Родственники по линии жены отсутствуют. У него их вообще не слышно и не видно. Может, где-то и обретаются, но их никто не знает. И они наверняка не знают, что их Серега когда-то куда-то вложил. И может претендовать на бабло. Не надо ссать, муженек.

Жанка выбралась из-за стола, тяжело прошагала к двери, приоткрыла ее, выглянула в приемную, удовлетворенно улыбнулась, значит, секретарши снова не было на месте. Теперь она станет мучить ее за это. Станет требовать объяснений, грозить увольнением.

А может, довольная рожа у нее оттого, что их никто не подслушивал. Пойми ее, эту жабу! Сидит себе, сидит и вдруг является и квакает! На этот раз квакнула так квакнула.

Будет ли добро? Будет ли?

– В общем, так, – проговорила она вполголоса, снова плотно прикрывая дверь. – Это дело у меня на контроле. Ты сиди и не рыпайся. Но учти, мне придется задействовать энную сумму.

– Что значит энную?! – вскинулся он.

У него всегда четкий учет расходования средств. Если бы было иначе, давно бы уже вылетел в трубу. Он, если честно, даже с девками своими был весьма прижимист. Где уж выплатить пять миллионов! Господи, сумма-то какая нереальная, разве так можно!

– Немного, не переживай, – мотнула она головой с пони-

манием. — Знаю, что за рубль удавишься. За него много не попросят. Уголовник, да еще какой! Кстати, узнать бы про родственников того парня, которого удавил Серега.

— Зачем еще???

— Мало ли... — закатила она многозначительно бесцветные змеиные глазищи. — Может, там имеется кто-то, кто не простил Боголюбову его преступления. Может, там есть кто-то, кто жаждет отмщения. Тут надо покумекать.

Господи! Михаила вдруг замутило. И от ее противной рожи, пытающейся вылепить какие-то непонятные гримасы. И от толстой рыхлой фигуры, колыхающейся от каждого движения. И более всего от ее страшной затеи!

Да, ему жалко денег. Да, он никогда бы не отдал...

Да что там, не отдаст он Сереге ничего! Пока он там зад на нарах парил, он тут вкалывал. Мало ли что он вложил! Тут надо еще применение найти средствам, раскрутить их!

Нет, делиться он не собирается. Без вариантов!

Но он также против убийства. Категорически и бесповоротно против. Стать таким же, как Боголюбов? Ступить на путь преступления? Это страшно и опасно! Он в бизнесе-то старался придерживаться прозрачности, потому что трусил нещадно. А что говорить про убийство!!!

Нет, нет и снова нет! Если она затеяла что-то...

Пусть так и будет. Пусть все делает сама. Он ничего не желает знать! Ничего!

И в этом он вдруг увидел свои преимущества, блин. И

даже повеселел. Ведь если он будет держаться в стороне, а Жанка все это страшное дело замутит и провернет, то он сразу одним махом избавится и от нее, и от Сереги!

– Здорово... – произнес он вполголоса своим мыслям.

Жанка тут же все поняла по-своему. Довольно оскалилась, подмигнула ему рыхлым морщинистым веком и произнесла довольно:

– А я что говорю! Конечно, здорово!..

Глава 3

Воскобойников Олег Иванович, сорока лет от роду, высокий некрасивый мужик, проживающий до сих пор с мамой и не продвигающийся по служебной лестнице последние семь лет, с тоской смотрел на жирную муху, бьющуюся в пыльном углу между оконными рамами. Она готовилась ко сну. Продолжительному, без сновидений, без забот и печалей. Да какие у мухи печали могут быть и сновидения? Это толстая крылатая тля, надоедливая, жужжащая, неотвязная.

Прямо как его начальство. Один в один! Оно так же жужжит, не отстает, надоедает. Крыльев только нет, и спать осенью и зимой не собирается. Наоборот, вернувшись из отпуска, набралось сил для нового жужжания и упреков.

– Олег Иванович, так пора бы уже начать что-то делать...

– Воскобойников, у тебя самый низкий процент в отделе по раскрываемости...

– Ну, нельзя же так, капитан! Нельзя день за днем отписываться! Где посадки?! Где громкие дела?! Уже семь лет у тебя затишье!..

Несколько месяцев, а точнее – три последних, Воскобойников только это и слышал. А что он? Разве он не работает? Работает, и как! Носится по городу, опрашивает свидетелей, выуживает информацию по крупнякам. Он же не виноват, что народ стал осторожным и не желает сотрудничать со след-

ствием. Не виноват, что не располагает к себе собеседника. Ну, не умеет он лучезарно улыбаться, не умеет быть коммуникабельным и приятным. Да и внешность его оставляет желать лучшего. Некрасивый, лысеющий блондин, с дряблыми щеками, морщинистыми полукружьями под глазами, неровными зубами и вялым ртом. Единственное, что ему самому нравилось, и он сильно надеялся, что нравилось кому-то еще, это его глаза. Черные, прожигающие, в ореоле темных длинных ресниц. Они могли пленять, да. Могли и завораживать. Так ему говорили его знакомые женщины когда-то.

Господи, когда это было?! Тысячу лет назад, кажется. Он уже забыл, когда в последний раз обнимал женщину. Забыл! Все, все повыходили замуж, понаражали детей, обзавелись некоторые и внуками.

– Ты что же, Олег, до сих пор один??? – ахнула тут как-то летом, столкнувшись с ним на овощном рынке, Злата – шикарейшая в прошлом блондинка. А ныне раздобревшая в зад, боках и подбородке. – С ума сойти! Такой мужик пропал...

Он пропал? Правда, что ли? Хм-мм, странно. Он себя пропащим не считает. Занудным, неудачливым, может быть, но никак не пропащим. А что касается женщин, то тут он один лишь по одной причине. Он просто стал весьма разборчивым.

Так мама говорит.

Вспомнив о маме, Воскобойников еще больше опечалил-

ся. Старая, бестолковая, суетливая, но такая нужная! Он без нее просто не мог жить, если честно. И не собирался. И ее решение пожить у сестры в деревне годик-другой его просто сразило неделю назад. Оно подкосило его, съежило, заставило думать о себе как о никому не нужном хламе.

– Зачем тебе туда?! – ныл он, блуждая за матерью по комнатам. – Что там тебе в этом захолустье? Ишачить на тетю Надю и ее внуков?

– Зачем ты так, сына? Тетя Надя помогала тебе деньгами, продуктами, когда ты учился. И вообще, любит тебя, – упрекала его мать, собирая вещи в два старомодных чемодана с металлическими уголками. – И внуки с ней давно не живут. Все давно выросли и разъехались. Она совсем одна. И я еду скрасить ее одиночество. Да и свое тоже. Ты ведь постоянно на службе. Я целыми днями одна. Лифт без конца ломается. По лестнице ходить мне трудно. А там открыл дверь – и улица. На воздух... Хочу на воздух, детка...

Вчера детка посадил ее в поезд, сегодня рано утром мать там встретили, и она уже позвонила ему, нахваливая с восторгом окрестные пейзажи и двух холостяков, живущих по соседству.

– Они нашего с Наденькой возраста. Так что скучать не будем, – стрекотала мать, пересмеиваясь с сестрой. – Ты там тоже времени зря не теряй. Остался совсем один в квартире из четырех комнат! Некоторые о таких удобствах могут только мечтать! Ты теперь завидный холостяк, сына! С жил-

площадью и без всякого довеска...

И вот тут-то Олег и понял, что мать возвращаться не собирается. Решила, глупая, что обуза ему.

— Кстати, я договорилась с одной очень милой женщиной, она будет помогать тебе по хозяйству, — закончила мать разговор. — Услуги я ей оплатила на полгода вперед, дорогой.

Все ясно, еще одна претендентка на его сильную руку и черствое сердце.

Милых женщин, помогающих матери пристроить ее засидевшегося сына, за долгие годы было множество. И они все время чем-то да помогали. То продукты доставали, когда в них был дефицит. То доставляли их с рынка и магазина, когда их стал переизбыток. То матери носили пенсию с почты.

Господи, всех и не упомнишь!

Олег не клюнул ни на одну из них. Одна была толстой, другая чересчур худой, третья очень красивой, а он таких побаивался. Интересно, кого мать нашла ему на этот раз?

Воскобойников глянул на себя в небольшое, размером с коробку конфет, зеркало, висевшее слева от окна его служебного кабинета. Все то же самое, ничего нового — редющие белесые волосы, вялое некрасивое лицо, черные жгучие глаза. Может он понравиться женщине, взявшейся ему помогать по хозяйству? И каков перечень ее услуг? Ублажать сорокалетнего холостяка входит в ее обязанности или нет?

— Воскобойников, к начальству! — крикнул кто-то, едва приоткрыв его дверь.

Олег покосился на муху, та затихла, широко растопырив крылья, что показалось странным. Обычно мухи засыпают, плотно прижав прозрачные крылышки. А эта, видимо, лишь дремлет. На улице ненастно, серо, она и решила подремать. Хорошо бы начальник оказался с ней солидарен и в такой серый неказистый день подремывал и не наезжал на него.

– Здорово, Олег, – приветливо кивнул ему полковник, занавесившись от него стеной сизого сигаретного дыма. Курьлицы тот был безбожным. – Присаживайся.

Олег с опаской глянул на выдвинутый кем-то стул, задвинул его, решив не занимать чужого места. Сел на другой. Уставился на начальника, щурившегося в его сторону то ли от дурных вестей, то ли от дыма.

– Слышал новость? – спросил полковник и тут же сам ответил: – Боголюбов вернулся.

– Как вернулся?! Ему же девять лет дали!

Убийцу – Сергея Боголюбова он брал сам. Брал почти с поличным. Тот не оказывал сопротивления, не спорил, не крысился, все больше молчал и нервно дергал кадыком при допросах. Вел себя смирно и покладисто, но Воскобойников его все равно ненавидел.

Мститель, мать твою! Никто не давал ему такого права, никто! С чего он вдруг решил, что может сам вершить правосудие?! К тому же, разобравшись в эпизодах этого путаного дела, Воскобойников сам запутался. Все там было как-то нереально и неправильно.

Позвонил сын, попросил помощи, правильное – денег. Сдавленным шепотом сказал, что его жизни угрожают. Назвал время и место передачи денег. Отец счел это разводом и на уловку не поддался. А потом случилось то, о чем предупреждал сын. Жена с горя покончила жизнь самоубийством, а Боголюбов принялся искать убийцу сына. И будто бы нашел, только...

Только как-то уж просто он его нашел. Тот словно и не прятался. И вину свою, по показаниям свидетелей, даже в последние минуты жизни не признал. В обстоятельствах вины погибшего никто разбираться не стал. А вот Боголюбова посадили, невзирая на смягчающие вину обстоятельства. Дали ему девять лет, это он точно помнил. Но вот почему он вышел через семь?!

– Ему условно-досрочное оформили, – скривился полковник. – Похлопотали за него, Олег.

– И кто? Кто же такой хлопотун? Не дружок ли его – бизнесмен?

– Смеешься?! – удивленно изогнул брови начальник. – Ему-то зачем? Он его даже, по сведениям, не навестил ни разу. Удачлив стал, наверняка заносчив. Станет он про уголовника думать. Тем более про убийцу! Нет, тут кто-то еще руку приложил. А кто?

Воскобойников настороженно молчал. Чего зря языком молоть, сам задал вопрос, сам на него и ответит, если у него ответ имеется. Инициативных полковник не очень-то любил.

– Чего молчишь? – Начальник ткнул крохотным окурком в переполненную пепельницу. – Кто, спрашиваю?

– Я не знаю, – угрюмо ответил Воскобойников.

– Так узнай! – повысил голос тот. – Узнай, Олег Иванович! Узнай, кто и для каких целей похлопотал за Боголюбова. Неспроста это, чую своим застарелым радикулитом, неспроста. Все, иди. Иди и завтра доложишь.

Воскобойников вернулся в свой кабинет, постоял у стола, потом неуверенно потянулся к внутреннему карману пиджака. Там у него был мобильник. Он поискал нужную строку. Нажал кнопку на фамилии Суворов.

Суворов Сергей Степанович – его осведомитель. Молодой малый, даже тридцати ему еще не было, но такой придурок, прости господи! Ухитрился к своему четвертаку несколько раз так вляпаться, что просто чудо, что до сих пор не сел. Правильнее, это не было чудом, это было вмешательством Воскобойникова. Почему?

Да потому, что Серега Суворов жил с ним в одном подъезде, и Олег его еще пацаном по холке трепал. И мать его хорошо знает, и отца, и бабушку. И жалеет их всех. И Серегу ему тоже, по-своему, было жалко. Вот что поделаешь, если уродился человек придурком?!

Он ради эксперимента, под видом следственного, трижды запускал пятерых человек – в их числе был и Суворов – по пересеченной местности, с заготовленными ловушками. И что вы думаете? Четверо беспрепятственно прошли эти

несчастные тридцать метров, Суворов же попал во все ловушки.

– Я невезучий, Олег Иванович, – долго сокрушался он потом. – Я в любое дерьмо непременно наступлю. Даже если оно и на крыше дома окажется. Не бросайте меня, а? Я вам еще пригожусь!..

И годился, стервец такой. Еще как годился! Обладая каким-то странным нездоровым любопытством, Серега Суворов всегда был в курсе всех городских новостей. Он знал про всех все! Если не знал, то узнавал в кратчайшие сроки. Информацию сливал Олегу. За это Олег помогал ему выпутываться из грязных историй, в которые тот попадать был мастак.

Видимо, сегодняшний день выдался как раз таким для Суворова, поскольку ответил тот почти мгновенно, и голос его был при этом несчастным.

– Да, Олег Иванович? – проблеял его подопечный.

– Что, опять?! – Воскобойников нервно дернул ногой.

Выручать Суворова из неприятных историй становилось с каждым разом все сложнее.

– Ничего особенного, – нервно хихикнул Серега. – Так, дура вчера одна в баре на меня пальцем показала охранникам.

– С какой стати?

Воскобойников вдруг снова взглянул на муху, крылья прижаты, крохотные лапки тоже. Уснула! Теперь до весны,

если раньше ее уборщица не смахнет пыльной тряпкой. Но это вряд ли, между рамами ворчливая женщина редко убирала. Если такую же помощницу по хозяйству ему мать отыскала, то дело труба! Зарастет квартира мхом за месяц.

– Представляете, Олег Иванович, она вдруг решила, эта шалава, что я в ее сумке шарил! – заискивающим шепотком проговорил Серега.

– А ты шарил? – уточнил Олег.

– Да ладно! Я просто ее сумку пододвинул, она моему локтю мешала. А она решила, что я в ней шарил. И еще, падла, языком натрепала, что я у нее четыре сотни стянул! Тысячные бумажки, главное, целы, я типа не взял, да? А четыре сотни стянул! Овца!!!

В сумке Серега Суворов наверняка пошарил. И четыре сотни сто процентов стянул, а тысячи оставил, чтобы ненаглядно было. Он не наглел никогда, меру знал. Взял на выпивку и попался. А девица не четыреста рублей пожалела, а просто на принцип пошла.

– Ты где сейчас, урод? – скрипнул зубами Воскобойников и даже зажмурился от злости.

Хотел попросить помощи, а нарвался на проблему. Теперь наверняка придется ехать в ка-кой-нибудь полицейский участок и вытаскивать идиота.

– Чё сразу урод-то, Олег Иванович?! – заныл Суворов. – Я не виноват! Эта шалава, она сама...

– Заткнись! – приказным тоном оборвал его Олег. – Ты

где, спрашиваю?

– Дома.

– О как! И тебя не задержали?

– Нет.

– Как же это так возможно? – Он даже заинтересовался. – Переспать с собой попросила?

– Если бы! – фыркнул удрученно Серега. – Хотя телка в порядке, я бы ей вдул.

– И?! – перебил его Олег.

Знать подробности его нездоровых фантазий ему было без надобности.

– Короче, там ее братья подвалили, двоюродные... навалили мне... – Серега очень выразительно всхлипнул. – Сунули в мусорный бак головой вниз. И велели завтра принести в этот бар четыре тысячи рублей. И это вместо четырех сотен-то, Олег Иванович!

Значит, все же украл деньги, паразит.

– Отнесешь, – отрезал он.

Вмешиваться по мелочам он не собирается. А то сосед обнаглеет настолько, что станет зайцем ездить в городском транспорте, а Воскобойникову придется за него с каждым контролером собачиться.

– Олег Иванович-ч-ич! – заныл сразу Суворов и захныкал. – Но у меня нет денег! Где я их возьму-то?!

– Работать не пробовал?

– Кто меня возьмет-то, Олег Иванович?! Я же... Я же чуд-

ной!

– Это точно, – согласился со смешком Воскобойников, у него вдруг прорезалась одна идея, воспитательная, и Суворов не отвертится. – У меня для тебя есть работа, Сережа.

– Да?!

– Да.

– Прямо четыре тысячи стоит?

– Нет, чуть меньше, две тысячи, – решил не разбрасывать-
ся деньгами Олег. – Нужна информация, как ты понимаешь.

– Ага, – обрадовался Суворов.

И как-то он слишком быстро обрадовался, что Воскобойников тут же заподозрил его во вранье. Может, брешет, скотина, про четыре тысячи? Может, его бесплатно в помойку мордой сунули? А он вот решил поплакаться, чтобы его пожалели. А заодно и бабло получилось содрать.

А и ладно. Зато он ему потом не будет ничего должен. А то снова станет звонить ему среди ночи и рыдать в трубку, чтобы Олег его выручил.

– Короче, слушай...

Он присел на край стола, прищурился, пытаясь вспомнить свою последнюю встречу с Боголюбовым. Ни черта не получилось, встреча та состоялась давно, семь лет назад. Если не больше. И все крутилось как-то, вертелось вокруг Воскобойникова тогда. Не в вихре, конечно, но и омута теперешнего точно не было.

– Тут на днях мой один очень хороший знакомый кое-от-

куда вернулся. Просекаешь?

– Ага. – Что-что, а схватывал Суворов на лету и четыре сотни успел из сумки схватить, пока девица, возможно, отвернулась по телефону поговорить.

– Так вот вернулся он на два года раньше, чем должен был. Просекаешь?

– Так точно.

– Кто-то за него похлопотал. Вот ты и должен...

– Понял! – обрадовался дурак. – Узнать, кто, зачем и для каких целей?

– Соображаешь, когда захочешь, – похвалил его Воскобойников и тут же плеснул дегтя: – Какого же хрена тогда на четыре сотни польстился, идиот?

– Да я...

– Заткнись и слушай! Фамилия Боголюбов. Сергей Боголюбов. Сел он...

– Я помню, Олег Иванович. Я, может, и дурак, и неудачник, но память имею, – обиженно заныл Суворов Серега. – Он удавил убийцу своего сына. Руками удавил. Об этом тогда много писали. И даже по ящику несколько дней подряд показывали. Я смотрел!

– Да ну! – не поверил Воскобойников.

Суворов дома появлялся крайне редко. Все где-то слонялся, скитался. Искал на одно место приключений. Или они его находили прямо у подъездной двери. Или у барной стойки, вот как давеча. Когда ему телевизор смотреть? И уж тем бо-

лее читать газеты?

– Я смотрел, Олег Иванович. – Суворов снова обиделся. – Чё вы мне никогда не верите-то?

– Не заслужил, – отрезал Олег.

– Мать сказала, что вас там могут показать, потому что вы этого мужика брали, вот я и смотрел. И вас видел по телику. Здорово!

– Что здорово?

– Классно вы там смотрелись, Олег Иванович. Такой прямо, как киногерой. В кожаной куртке, глаза в пол, суровый такой. Здорово!

Той кожаной куртки не было уже. Порвалась, износилась, и ему ее было очень жаль. Она и правда ему шла. Такой второй он найти так и не смог. И матери задание давал, та искала. Не нашла. Удачливой была та куртка, ему всегда в ней везло. Вот и Боголюбова в ней взял, Суворов не соврал.

– Ладно, проехали про героев, – оборвал он восторженный клекот Суворова. – Давай к делу.

– Ага!

– Так вот, кто-то за него похлопотал. Мне надо знать: кто? Мне надо знать: зачем? Мне надо знать: почему?

– Понял! Нет проблем, все сделаю!

– И надо знать это еще вчера.

– Понял, – менее уверенно произнес Серега. – А завтра можно?

– Завтра можно.

– А деньги сегодня можно, Олег Иванович? Я отработаю, вы же знаете!

– Куда ты денешься!

– А то меня на счетчик еще поставят, – болтал без остановки Серега. И тут же весьма бездарно проболтался: – А то было две, станет четыре...

Он сразу прикусил язык, а Воскобойников ядовито рассмеялся:

– Вот урод, а! Думаешь, я про четыре тысячи тебе поверил? Сразу понял, что ты на жалость давишь.

– Простите... – удавленным голосом пробормотал тот. – Простите меня, Олег Иванович... Я больше так не буду! И что теперь?! За работу не заплатите?!

– Смотря что нароешь. Если информация будет ценной, пятьсот рублей дам. Если нет, пинка под зад.

– За что пинка-то!

Суворов сопел в трубку с такой силой, что казалось, еще мгновение, и он расплчется.

– Чтобы не брехал мне, скотина, – беззлобно отозвался Воскобойников. – Ладно... Давай работай. Если чего ценного откопаешь, может, и еще накину. Все зависит от тебя теперь.

Он отключил телефон, положил его в карман. И решил съездить домой пообедать. И не столько есть хотелось, сколько любопытство жгло: а что там за хозяйку ему мать оставила в наследство?..

Глава 4

Он сел в свою машину, любовно протер панель кусочком байковой тряпочки, поцеловал рулевое колесо:

– Ласточка моя! Дождалась! Хотя ты-то...

В горле тут же засадило от воспоминаний. Вот они все вместе, всей семьей, грузят багажник складными походными стульями, мангалом, столом, посудой. Ведерко с мясом Маша ставила всегда возле ног и всю дорогу придерживала.

– Чтобы не пролилось ни капли, – улыбалась она ему. – Весь цимес в маринаде, Сереж. Если маринада не будет, мясо высохнет, и можно его выбрасывать.

Ему было плевать, какое мясо есть и под каким маринадом, он наслаждался близостью семьи. Слушал их веселый треп, смех, улыбался их шуткам. Потом суетился вместе с ними у мангала, накрывал вместе с ними стол. Резал помидоры, доставал соль, если они ее не забыли. Часто забывали, очень часто. Маша сердилась, хмурилась, ворчала. И сколько откусывала от помидора, столько причитала, что с солью было бы вкуснее.

Он и за это любил ее тоже.

Счастье! Какое же это было счастье любить их, быть любимым ими.

Сын садился всегда сзади, за ним. Маша рядышком. И в дороге без конца наблюдала за мужем, оборачивалась на сы-

на, улыбалась.

Как же их не хватает! Как же больно! По возвращении стало еще больнее, чем там, хотя и вещей их не было, и фотографии припрятали заботливые соседи. Все равно было больно.

А что? Может, плюнуть на предложение печальной женщины с красивым именем Алика и вернуться обратно на зону, а? Может, пусть она сама разгребает свои беды, ищет убийцу своего мужа? Почему он должен?!

– Для начала мы с вами несколько дней проведем в фирме моего мужа, – сообщила она ему вчера расписание на ближайшие несколько дней. – Там вы подробно изучите направление его бизнеса. Определите круг лиц, которые могли быть причастны к его гибели. Мы с вами составим список и...

– Вы ведь наверняка все это сделали до меня, – вдруг догадался Боголюбов.

– Это не важно. Мой взгляд и ваш – это разное.

Она разозлилась. А когда она злилась, ее лицо бледнело еще сильнее, а глаза из голубых превращались в фиолетовые.

Он разглядел, да! Разглядел в ней женщину. Молодую, сильную, гибкую. Она прятала тело под тряпками большего размера. Нелепые юбки до полу, в которых путались ее длинные ноги. Широкие кофты, скрадывающие тонкую талию и грудь. Простая прическа, никакого макияжа. Она не была, она хотела казаться тусклой и серой. Но он разглядел. И то, что разглядел, его расстроило.

Зачем ему общество такой интересной, сильной женщи-

ны?! К чему это?! Он может увлечься, потому что долго был один. Долго был без женщины. А это ни к чему хорошему не приведет. Он не мог себе даже представить развития возможных отношений именно с ней. Потому что он давно забыл, как это все развивается! Как сохнет во рту, как колотится сердце, как трясутся руки и бледнеет лицо, оттого что кто-то просто обнял тебя, прижался к тебе. Он забыл, и вспоминать не хотелось. Поэтому он старался рассматривать ее тайком, украдкой, как вор. И никаких мыслей не допускал на ее счет. Не домысливал, не фантазировал.

Он начал работать. Составил списки возможных недругов ее мужа самостоятельно. Показал ей, она удовлетворенно кивнула. Потом он две недели сопоставлял и анализировал. Проверял алиби, тут Алика все же снизошла до милости и выложила ему сведения, кто где был в те дни и чем с кем занимался. Потом начал проверять, что кто поимел после смерти ее мужа. Как изменилась жизнь того или другого подозреваемого?

Список из пяти имен и фамилий он выбросил.

– Здесь некому было желать его смерти, – заключил он, устало моргая возле монитора. – Люди не были в долгах, не планировали никаких покупок, также не случилось их и после смерти вашего мужа. Никто не обзавелся домом, квартирой, машиной. Никто, кроме...

– Кроме кого? – Ее лицо не дрогнуло, видимо, она знала, кого он имеет в виду.

– Кроме той самой женщины, которая когда-то встала между вами.

– Я же сказала, что он оставил ее!!! – закричала она вдруг так громко и так звонко, что Боголюбову уши заложило от неприятно высокого звука. – Он не мог поддерживать с ней отношений и...

– Я не сказал, что он поддерживал с ней отношения. Я просто сказал, что у нее незадолго до его гибели появился дом в пригороде. И стоимость его почти та же, что и сумма выкупа, которую вы неосмотрительно отнесли по требуемому адресу. Только и всего.

– Но ведь это до его гибели, не так ли?!

– Да.

– И к чему тогда весь этот разговор?

– К тому, что она могла взять деньги в долг. Ваш муж мог ей пообещать, а обещание не выполнил. Вариантов много.

– Он не мог! – снова взвизгнула Алика и с силой стукнула правым кулачком в левую распахнутую ладонь. – Он не мог так поступить со мной! С нами!!! Мы... Понимаете, Сергей, мы тогда только-только возрождались! У нас с ним все было просто замечательно!!! И тут это... Нет! Он не мог пообещать ей деньги на дом. Он не мог купить ей его. Я проверила все до копейки в нашей фирме. Никаких сумм не снималось со счетов. И он уж точно не мог пообещать компенсировать ей ее покупку.

– Вы говорили с ней об этом?

По тому, как резко она отшатнулась, сделавшись еще бледнее, он понял, что нет – не говорила.

– Я не смогла, – призналась Алика и схватилась за горло, будто ее душили. – Я не смогла перешагнуть через себя.

– Ага! И теперь этим надлежит заняться мне?

– Догадливый, – кивнула она, рассеянно осматривая стены кабинета, бывшего когда-то мужниным. – Вам надо взять ее в разработку, как говорят в полиции. Надо узнать, на какие деньги она купила дом. Кто оплатил ей покупку? С кем она живет? Чем дышит и как дышит? Все, все, все...

– Скажите, Алика, – Сергей двинул курсор к надписи «пуск», пора было сворачиваться, он устал, хочет есть и спать, – после того как вы заплатили выкуп, дела фирмы пострадали?

– Нет, почти нет, – качнула она головой и догадливо поднялась со своего места. – У меня были свои средства. Родители оставили. Я их почти никогда не трогала. Их, конечно же, не хватило, пришлось выдергивать и отсюда, но... Но прошло это почти безболезненно. Свернули пару проектов, на три недели задержали зарплату, и все. Коллектив, кстати, отнесся с пониманием. Некоторые даже свои деньги предлагали.

– Все были в курсе?! – удивился Сергей. – Разве ваш муж не говорил вам, чтобы вы никому не рассказывали?

– Я и не рассказывала. Материальную помощь предлагали уже после... – Голос ее сел, глаза наполнились слезами. –

После того, как все случилось.

— Как он погиб?

— Обстоятельства гибели такие же, как и в случае с вашим сыном. Искореженный сгоревший автомобиль, обезображенное тело. Но не настолько, чтобы его было невозможно опознать.

— Да... Не настолько... — Он резко поднялся и шагнул к ней, взял ее под руку и повел к двери, почти не ощущая сопротивления с ее стороны. — Нам надо перекусить, Алика. У меня уже кружится голова.

Они заехали в первое попавшееся на пути кафе. Уселись в самом дальнем углу, заказали свинину с грибами и картофелем. Салаты, десерт. И все время почти не разговаривали. Ни когда им готовили, ни когда ели. Она все время смотрела либо в сторону, либо в стол. На него ни разу. Поэтому он без зазрения совести рассматривал ее и даже представил без одежды. Но, почувствовав легкое возбуждение, тут же осадил коней.

Нельзя! Ничего этого нельзя! Она освободила его из тюрьмы не для того, чтобы он спал с ней. Она освободила его из тюрьмы, платит за него в кафе, кормит у себя дома потому, что надеется на его помощь. Да и сложно с ней это все будет. Очень сложно. И помогать он ей должен, а не спать с ней.

Но вот сможет ли он ей помочь, еще вопрос!

Никто из сотрудников фирмы и близкого окружения ее мужа, на его взгляд, не мог быть причастен к его похищению

с целью вымогательства, а затем и убийству. Тут и следствие хорошо поработало, он видел копии справок. Всех не то что проверили. Всех просто раздели донага, проверяя! Алиби, свидетели защиты, распечатки телефонных звонков и сообщений. Никто не был причастен. А если и был, то замечательно замел свои следы.

В это Боголюбов мало верил. Если этим дерьмом занимался не профессионал, то он непременно наследил бы. Непременно! А ни одна прослушка подозреваемых, ни одно наружное наблюдение не дали ничего.

Странно, конечно, что бывшую любовницу Алексея Гладьева никто не потревожил. Очень странно. Она-то наверняка была в обиде, что Алексей ее бросил. Уж она-то, как никто, могла жаждать возмездия с энной суммой материальной компенсации.

– Кто это вам сказал, что он меня бросил??? – вытаращилась на него днем позже красивая высокая брюнетка с роскошным бюстом. – Лесик и не думал меня бросать! И никогда бы он меня не бросил, если бы не этот ужасный случай.

Смерть своего любовника она называет случаем, здорово!

– Это вам его жена рассказала, так? – Она растянула пухлый рот в довольной улыбке. – Знаю, знаю! Она, больше некому. Ой, да что же мы с вами на пороге-то? Входите, конечно, входите...

Он переступил порог ее аккуратного двухэтажного коттеджа. Захлопнул за собой дверь. Растерянно глянул на свои

выпачканные в грязи ботинки и ее сверкающий гляncем плиточный пол.

– Не смущайтесь, проходите, – игриво хохотнула она и поманила пальчиком. – Сюда, сюда. Все потом уберут. Не переживайте.

Он не переживал, конечно, просто было неловко оставлять за собой грязные следы.

Гостиная была белоснежной. Белые стены с яркими громадными постерами. Белые цветочные горшки, белые диваны, кресла, пуфы. Белый ковер. Над ним Боголюбову захотелось воспарить, чтобы не запачкать. Поэтому он присел на самый краешек дивана. Того, что стоял сразу у входа в гостиную. Скрестил ноги в грязных ботинках, сцепил пальцы в замок, глянул исподлобья на хозяйку дома.

Дамочка была роскошной. Ноги, грудь, попка – все было упругим, сочным, загорелым. Все удалось рассмотреть беспрепятственно: на ней почти не было одежды. Крохотная рубашка без рукавов, застегнута на одну пуговицу на пупке и там же завязана узелком. Короткие джинсовые шортики, красиво обтрепанные по краю.

Она была кричаще красивой. Иссиня-черные волосы, очень красиво причесаны, черные глазищи, высокие скулы, полный рот, изящная шея. И самое главное ко всему у нее имеющемуся, она умела этим пользоваться. Она умела носить свою красоту, умела преподать себя.

Не то что глупая Алика, не без раздражения вдруг поду-

мал Боголюбов. Наверняка и при муже вела себя так же сухо и одевалась в рубище. Хотя, напяль на нее эту рубашечку и эти шортики, была бы не намного хуже брюнетки.

– Меня зовут Мари, – представилась брюнетка. – И я не люблю, когда корежат мое имя.

Искорежила-то она его сама, мама с папой называли девочку Мариной. Но о том, что ему это известно, Сергей промолчал. Односложно представился.

– Интересный у нас с вами разговор. – Она улыбнулась. – Вы с порога навалились на меня с вопросами об Алексее, а теперь мы с вами знакомимся.

– Я лишь спросил, правда ли, что перед смертью Алексей вас бросил? Вы сказали, что это...

– Неправда! – весело хлопнула она в ладоши. – Он меня не бросал и никогда бы не бросил, если бы не умер. А умер он, я так подозреваю, по вине его серой стервы!

– То есть?! – не понял Боголюбов. Правильнее, понял, но не ожидал такого поворота. – Вы имеете в виду его жену?

– Кого же еще! Конечно, Алька его угробила! Все обстояла очень грамотно... Она ведь... Вы в курсе, что она долго работала в городском суде?

– Что?! – Он, мало сказать, опешил. – Кем?! Судьей?!

– Нет, не судьей, конечно. То ли помощником судьи, то ли секретарем. Точно не знаю. Но долго проработала.

– А когда ушла?

– Да перед тем, как Алексей решил уйти от нее.

– Он все же решил уйти?

– А она что вам сказала? – Мари пренебрежительно скриivilась, поиграла пальчиками правой руки, чуть выставила безымянный. – Вот здесь! Здесь уже было колечко. Он уже сделал мне предложение. Мы должны были пожениться. А потом она узнала!

– И? Стоило тайному стать явным, как любовь прошла?

Историю эту от Алики Сергей слышал. Про то, как ее муж прозрел, раскаялся, выбрал из двух женщин законную супругу, как чувства их возродились. Все это он слышал, правда не очень верил. Теперь, рассматривая в упор Мари, верил еще меньше.

– Кто вам рассказал эту чушь??? – возмущенно отозвалась Мари, часто задышала, грудь ее волнующе заколыхалась. – Погодите, угадаю! Снова она?!

– Других источников у меня нет, – признался Боголюбов.

Его разморило в теплой гостиной после холодной мокрой улицы. Осень началась стремительно. После теплых солнечных дней сразу холодно и сыро.

Захотелось снять грязные ботинки. Залезть с ногами на диван к Мари поближе. Обнять ее. Прижаться лицом к ее груди. Потрогать, так ли девушка хороша на ощупь, как кажется? У него ведь так давно не было женщины! Он искупил свою вину тюрьмой, одиночеством и болью, он заслужил хотя бы крошечку ласки. И совсем он не обязан искать убийц совершенно незнакомого ему мужика. Вдова которого, ка-

жется, немного привирает. К тому же с этой девчонкой все будет много проще, много проще.

– Любовь не прошла, если вам так интересно знать! – выпалила Мари с чувством. – Мы просто на время притихли, и все. Стали осторожнее. Послушайте... А вы ведь совсем не похожи на корреспондента, их у меня знаете после смерти Лесика сколько побывало! И не записываете ничего. Кто вы?! Из какой газеты?!

Ее взгляд заметался по комнате, ощупывая мебель.

Ищет телефон, догадался Боголюбов и тут же выставил обе руки щитом перед собой.

– Не стоит волноваться, Мари. На самом деле я не из газеты. Я автор.

– Автор чего?! – Она все еще настороженно косилась в его сторону.

– Задумал написать роман. В основу хочу положить реальную историю. Мне, кстати, ее мой хороший друг предложил. Он в полиции работает. Воскобойников Олег Иванович, может, слышали?

– Конечно, слышала! – выдохнула Мари с облегчением и тут же затараторила: – Мы с ним пересекались. Он сначала дело Лесика вел, потом его куда-то перебросили, и дело передали другому. Сушилин, может, слышали?

– Нет, – будто бы с сожалением качнул Сергей головой. – Я дружу только с Воскобойниковым.

В памяти всплыл нескладный мужик с неприятным невы-

разительным лицом. На нем тогда – в день задержания – была кожаная куртка. Да, точно, кожаная куртка, чуть облагораживающая неказистого милиционера. И пистолет, который смотрелся в вялой руке обычной пукалкой.

Сергей не оказывал сопротивления. Но этот Воскобойников все же счел своим долгом пару раз больно его пнуть под ребра. И шипел еще что-то в его адрес гневное и возмущенное, хотя глаза его оставались пустыми и равнодушными.

– Так поможете моей истории? – Он широко улыбнулся.

– А что это будет за книга? – Все, она сдалась.

– Детектив. Скорее всего детектив. Ну, а в центре ваша с Алексеем многострадальная любовь.

– Знаете, любовь наша не была страданием. – Она удивленно вскинула четко очерченные брови. – Она была прекрасной! Чистой и красивой! Страдания начались, когда Алика узнала. Вот тут она нам крови попортила. И не столько мне, сколько Алексею! Она... Ему даже пришлось уехать ненадолго.

– Уехать? – Об этом он тоже слышал от своей освободительницы. – С целью? Разобраться в чувствах?

– Он в них давно разобрался. Нет, тут другое... – Мари наморщила лоб, глянула на него как-то странно, будто пыталась вспомнить или хотела показать, что переживает. – Он просто стал ее бояться.

– Кого?! Жену?!

– Ну да, ее. А что вас удивляет? Она долго проработала в

суде. У нее знаете какие связи!

Об этом он знал не понаслышке. Именно поэтому сидел теперь перед красивой голоногой девчонкой, волнующей его все сильнее и сильнее.

– И как же ее связи отразились на нем? Что способствовало рождению в его душе страхов?

– То ему казалось, что за ним кто-то идет. То будто кто-то наблюдает за ним. То кто-то звонил и не представлялся, бросал трубку. А один раз... Это случилось как раз перед самым его отъездом... его на светофоре столкнули с тротуара.

– Оп-па!!! Подробнее можно?

Он все же стянул с ног грязные ботинки и пересел к девушке на диван. Нельзя предугадать, захочется ей или нет опереться о его сильное плечо. А вдруг? Воспоминания расстроят, возродят былые страхи и все такое. Лучше, если расстояние между ними будет максимально коротким.

– Ему тогда чудом удалось увернуться! – Ее красивое лицо сделалось бледным и растерянным, и кажется, она немного к нему пододвинулась. – Его сильно толкнули в спину прямо на проезжую часть. Леша упал и откатился, водитель успел затормозить.

– Ужас! – Боголюбов сочувственно качнул головой. – И после этого он перепугался настолько, что сбежал?

– Это было не бегство. И если он и сбегал, то только от нее, не от меня! Я знала, где он был, мы созванивались каждый день, – не без раздражения перебила его Мари. – Он отси-

живался, правильное сказать. Отсиживался и думал. Думал и гадал, кто это может быть? Кто так гадит ему?!

– А потом? – Он осторожно пристроил руку на подголовнике дивана так, что кончики его пальцев почти дотягивались до ее волос.

– Потом он вернулся, попросил меня быть осторожнее. Мы с ним начали шифроваться, как в шпионском триллере. А затем с ним эта беда... Что хотите, Сергей, но это она руку приложила к его гибели. Больше никому!

Мари вдруг очень резко повернулась к нему и тут же обнаружила, что ее гость жадно и беззастенчиво таращится на ее грудь и ноги. И застигнутый на содеянном вовсе не засмутился, и не отвел глаза. А стал смотреть еще бесстыднее и агрессивнее.

– Ну что, автор... – ухмыльнулась она с пониманием дела. – Кофе? Или чего-нибудь покрепче?

– Пожалуй, я сделаю свой выбор в пользу второго, – проговорил Боголюбов севшим голосом и протянул к Мари руки...

Глава 5

Жанна остановила машину в дальнем углу маленького аккуратного дворика. Ни к чему было привлекать внимание своим визитом. Она для этих целей и машину взяла из гаража фирмы, старый отечественный неприметный автомобильчик. Поцарапанный «Москвич» бледно-серого цвета с помятым задним бампером. Сама вырядилась не пойми во что. То ли малярша, то ли дворничиха.

Не в бриллиантах же ей было сюда являться!

Остановилась, осмотрела двор. Никого. Ни мамаш с детьми, ни пенсионеров. Поглазела по окнам трехэтажки сталинских времен, тоже чисто. Никто не маячит. Только потом вышла из машины. Отряхнула спецовку, поправила на голове платок, полезла в багажник за здоровущей сумкой. Эта сумка тоже была частью ее конспиративного плана. Останови ее кто подозрительным вопросом: «Дамочка, а что это вы тут делаете?» – она тут же найдется с ответом. «Платки пуховые продаю, не интересуетесь?»

Платков в сумке было два, один совершенно новый, второй пару раз надеванный. Но по внешнему виду было не отличить от нового. К тому же не факт, что ее кто-то остановит бдительным вопросом. Не факт, что придется доставать платки из сумки. Все это было маскировкой.

Она прошла сначала к первому подъезду, постояла недолго

го под козырьком, внимательно осматривая улицу. Никого! Прошла ко второму, так же постояла. Для чего? Для тех же бдительных граждан, кто мог видеть ее из окна. Ходила, мол, по подъездам торгашка тут одна, что-то предлагала. Потом прошла к последнему третьему подъезду, потянула на себя дверь, лишенную кодированных запоров, вошла внутрь, прислушалась.

Тихо! Господи, разгар дня, а тут как в могиле. Вымерли, что ли, все?! Но это даже и кстати.

Жанна поднялась на третий этаж, позвонила в сорок пятую квартиру и стала ждать. Не дай бог, этого козла не окажется дома! Не дай бог, смотался куда-нибудь, решив, что она по телефону его разыграла!

Но нет, шаги! Потом звук отпираемой двери. Затем в нос струя вонючего кислого воздуха, и сиплый голос из коридорной темноты:

– Чё надо?

– Платками пуховыми не интересуетесь? – громко, в основном для соседей, которые могли наблюдать за ней в дверной глазок напротив, спросила Жанна.

– А-а-а, платками, – протянул мужик и широко распахнул дверь. – Заходи, может, чё-нить и купим.

Она вошла внутрь пропахшего кислятиной помещения. Дверь за ней со скрипом захлопнулась.

– Иди в комнату, я щас, – пригласил мужик и нырнул в дверь ванной, вода полилась в раковину через мгновение.

Жанна швырнула сумку на пол у двери, стянула с волос косынку, сунула ее в карман штанов, растрепала пятерней волосы. Глянула на себя в засиженное мухами зеркало, недовольно сморщилась.

Надо срочно что-то с мордой делать! Иначе Мишка ее точно бросит. И не только с мордой, но и фигурой пора заняться. Для начала жрать поменьше, а то в свои неполные сорок выглядит на шестьдесят.

Она прошла в комнату, огляделась. Ну что ж, обычная берлога холостого неудачника. Неопрятно, смрадно, много газет, журналов. Телевизор, старенький компьютер. И то хорошо, что не одноклеточный. Она поискала взглядом, куда бы присесть. Не нашла. Отошла к окну, уперлась задом о подоконник. Стала ждать, когда хозяин квартиры умоется.

Вернулся тот минут через десять. Умылся, кое-как побрился, причесался и даже передел рубашку. Та, что была теперь на нем, еще даже не досохла на воротнике и манжетах.

– Вы мне позавчера звонили? – спросил он без предисловий и устало присел на стул возле компьютерного столика.

– Я.

– Вас зовут?... Вы ведь не представились. Сказали, что у вас важная информация, касающаяся моего брата и...

– Зовите меня Верой, – зачем-то назвала она имя своей подружки, затем подумала, что так будет лучше, а то запросто запутается в именах при следующей встрече.

– Я Максим.

– Знаю.

– Что у вас за информация о моем брате?

Спросил пустым равнодушным голосом, но на фотографию его на стене глянул с тоской. Видимо, боль, невзирая на время, не проходила. Это хорошо, порадовалась Жанна. Это в их общих, так сказать, интересах.

– Вашего брата убил Боголюбов, так?

– И что?

Максим, которому на вид можно было дать как сорок, так и шестьдесят лет, а на самом деле ему было тридцать два года, нервно вскинул голову. Оглядел ее без интереса с головы до ног.

– Вы что, дамочка, явились сюда для того, чтобы назвать мне имя убийцы моего брата?!

– Нет, я знаю, что вы знаете, кто это.

– Знаю. – Его плечи снова безвольно поникли.

– Зато что-то подсказывает мне, что вы наверняка не знаете, что Боголюбов в городе.

– Этого не может быть. – Он спокойно глянул на нее, чуть дернул левым плечом. – Ему выходить через два года.

Ага! Она чуть не хлопнула в ладоши от радости. Если ведет счет, значит, ждет убийцу своего брата. Ждет, чтобы поквитаться!

Она умница! Мишка ей в подметки не годится со своей прозорливостью. Тот бы сейчас стал через бандитов киллера искать. И наверняка на подсадную утку напоролся бы. А за-

одно и на срок приличный. А она вот сразу решила, что надо искать того, у кого свой интерес имеется. И на кого потом в первую очередь падет подозрение.

А на нее оно не падет ни во вторую, ни в третью очередь. Потому что она умница и потому что она все продумала, вот!

– Боголюбов в городе, – повторила Жанна. – Он вышел по УДО.

– Ух ты! – Спина Максима начала выпрямляться, он резко вскинул руку и нервно провел по неопрятно причесанным волосам. И еще раз повторил: – Ух ты!

Все, потом долгие десять минут тишины. Жанна не знала, что и делать. Уйти? Так чего ради приходила? Чтобы услышать пару междометий от этого вонючего козла?

Начать говорить? Это значило проявить инициативу. А она ее, хоть убей, проявлять не хотела. Хотела, чтобы он начал, а она продолжила. Чтобы направить в нужное русло рассуждения этого увальня, оставшегося без брата и без его денег много лет назад. Чтобы он потом не мог вспомнить, кто же первым предложил убить Боголюбова!

– Вы только за этим ко мне пришли? – нарушил наконец тишину Максим, не поворачиваясь к ней, тупо рассматривая черный монитор.

– Нет, есть еще кое-что.

Это кое-что было ее главным козырем. Им она хотела добить парня, если бы тот начал сомневаться. Но раз уж он не начал вообще ничего, приходилось открывать козырь рань-

ше времени.

– Что?

– По моим сведениям, за него похлопотали.

– Кто?

– Некая дама, муж которой не так давно погиб при странных обстоятельствах.

Новостями ее снабдила Верка. Та, шельма, успела из окна своей квартиры не только Серегу рассмотреть и даму, что его увезла. Она еще и номера ее машины срисовала. И потом через верных ей людей пробила номера той дамочки. И кое-что узнала.

– Что за обстоятельства?

Максим по-прежнему не выглядел заинтересованным. Та же расслабленная поза, правда, спина не так горбилась и плечи не казались такими уж безвольными. Но он не вскочил с места, не заходил по комнате, как Жанна от него ждала. Он никак не проявил себя. И это печалило. И это наводило на мысли: а на того ли она поставила?

– Обстоятельства гибели мужа этой дамы сходны с обстоятельствами гибели сына Боголюбова. Все точно по схеме. Один в один!

– То есть вы хотите сказать?..

Он медленно развернулся на нее, коротко глянул. Потом так же медленно поднялся со своего старого стула, вяло шагнул к подоконнику, о который Жанна опиралась, протянул руку вперед и что-то такое сотворил со своей шторой. Она

даже не успела понять, что происходит, как захлюстанная занавеска обвила петлей ее шею.

– Что-о-о??? – захрипела она, пытаясь высвободиться. – Что ты делае-е-ешь??? Отпусти!!!

Она приподнималась на цыпочки, дергала коленками, цеплялась ногтями за ткань, драла ее, растягивала. Пыталась дотянуться до его лица, не выходило. Максим очень ловко держал ее в своей петле. При этом почти не шевелился. Просто держался обеими руками за материю и смотрел на нее пустыми страшными глазами.

– Я щас умру... – прохрипела Жанна, и слезы покатились по ее толстым дряблым щекам, чрезвычайно напудренным сегодня из соображения конспирации. – Отпусти, придурок!!!

Он выпустил ее, и она упала на колени, больно ударилась. Закашлялась, заплакала, принялась отплевываться, с опаской поглядывая на тупые носы его домашних тапок, стоящих в метре от нее.

– Встань! – приказал ей хозяин квартиры. – Встань и рассказывай!

Жанна неловко поднялась, отряхнулась, вытерла щеки косынкой. Испуганно глянула на парня:

– Зачем ты так?!

– А ты зачем? Зачем ты пришла сюда, тетя? – Он брезгливо сморщился, рассматривая ее. Презрительно фыркнул: – Корова!

– Сам дурак, – неосторожно огрызнулась она. И тут же получила подзатыльник. – Извини...

– Так что тебе нужно, женщина? Что ты хочешь от меня? Хочешь моими руками убрать Боголюбова? Зачем? Тебе-то он что сделал? Не польстился на твои телеса?

Вот теперь он вышел из дремы, в которой она его застала. Теперь он сделался очень подвижным, опасным, нервным. И таким он ей больше нравился, хотя это и могло навлечь неприятности на ее голову.

– Я хочу услышать ответ. Только правдивый. – Максим присел перед ней на корточки, схватил ее за волосы, оттянул голову назад. – Если соврешь, умрешь, тетя. Говори!

– Я в самом деле здесь для того, чтобы... Чтобы ты убрал Серегу! Я хотела нанять тебя. Предложить тебе денег, – бормотала она, давясь словами, говорить с задранным подбородком было неудобно. – Тем более интересы наши совпадают. И ты и я его ненавидим. Эта тварь должна издохнуть!

– Не могу не согласиться. Но с чего ты вдруг решила, что я стану мстить за брата? – Максим выпустил ее волосы, слегка щелкнул ее по щеке кончиками пальцев. – Он совершил много нехорошего. Многих сделал несчастными. Само провидение остановило его.

Фразы прозвучали замыленно. И напомнили ей слова проповеди. Может, эта вонючка в церковь подалась и уже много лет поклоны отбивает? А она-то размечталась его руками освободиться от выплаты по счетам!

– Может, он и не совершал хороших дел, твой брат, но он точно не убивал Серегиного сына, – проворчала Жанна, осторожно поднялась и медленно двинулась к выходу.

– Откуда такая уверенность? – Максим в два прыжка нагнал ее и оттеснил от двери. – Вот с чего ты, жирная корова, решила, что мой брат не убивал его пацана?! Боголюбов год его искал! Он весь город перерыл! Я с подельниками брата говорил, они в курсе, как Боголюбов землю носом рыл, чтобы выйти на след.

– Но подельники тоже не в курсе, так ведь?

Максим промолчал, его маелный взгляд метнулся к потолку. И голос Жанны окреп.

– Подельники твоего брата тоже ничего не знали об этом происшествии, разве нет?! Они в глаза не видели никакого Боголюбова Семена! И вообще не подозревали о его существовании. Как и твой брат... Думаю, что Боголюбов понял, что ошибся тогда. Потому он теперь и ищет убийцу мужа этой дамы. С чего бы тогда ему его искать, а?..

Глава 6

Воскобойников протяжно зевнул, потянулся с хрустом и, не открывая глаз, подумал, что никак не возьмет в толк, с чего это у него с раннего утра такое радужное настроение. Обычно каждое его утро бывало хмурым. Даже если за окном полыхало солнце и распевали птицы, а мама в кухне пекла его любимые блинчики, все равно он просыпался в раздражении. А сегодня по отливу подоконника молотит дождь, ветер треплет форточку у соседей этажом выше. Она всегда у них болтается в ветер, того гляди сорвет. И хоть говори, хоть нет, все без толку. И это всегда бывало причиной его неудовольствия, а сегодня...

И он тут же все вспомнил!

Валя и Серега Суворов были причиной его радужного утра. Точно, точно!

Кто такая Валя? Так это та самая женщина, с которой он вчера в обед столкнулся на собственной кухне. Та самая, которую маман оставила ему в подарок, уезжая к сестре навсегда. И угодила, между прочим! Еще как угодила!

– Здравствуйте, – здоровался вчера он, вваливаясь в кухню, где к обеду был накрыт стол, а на плите стояло сразу четыре кастрюли.

– Ой, здравствуйте! – обрадованно воскликнула женщина, вздрогнув, повернулась к нему от раковины, где что-то мыла

и чистила. — Олег Иванович? Я Валя.

Она обтерла ладошку о передник и протянула ее Воскобойникову. Он осторожно пожал ее прохладные влажные пальцы.

— Сейчас будем обедать, — известила она его, говоря почему-то во множественном числе, хотя стол был накрыт на одну персону. — Вы руки мойте.

Он послушался, вымыл руки с мылом, все время рассматривая себя в зеркале, висевшем над раковиной.

Может он ей понравиться или нет? Станет она с ним вязать отношения при такой его невзрачной внешности, брюзгливом характере и невероятной занятости на работе?

И тут же сам себе ответил, что ему бы очень хотелось, чтобы отношения те завязались. Поскольку Валентина понравилась ему с первого взгляда.

Не красавица, это уж точно. Обычная женщина лет тридцати. Круглая мордашка. Светло-голубые глаза, обычный рот, средних размеров нос, жидковатые волосики, завитые не очень искусно и растрепавшиеся уже за время приготовления обеда. Но высокая, да. Не толстая и не худая. Грудастая очень. Размер пятый или даже шестой, определил навскидку Воскобойников, и это ему очень понравилось. Он любил грудастых баб, хоть их и было у него не так чтобы много.

И самое главное, что ему понравилось чрезвычайно, она почему-то смотрела на него с обожанием. Видела впервые, а

смотрела как на божество. На него так никто, кроме матери, не смотрел.

Он вернулся в кухню. Обнаружил полную тарелку супа с фрикадельками, его любимого, между прочим. Тарелку картофельного пюре, рядом тарелку с горой котлет, салат из свежих помидоров и огурцов.

– Аппетитно выглядит, Валентина. Как вас по отчеству? – Он потер рука об руку и сел за стол. – А что же вы? Я один стану есть?

– Ой, да что вы! – смутилась она и даже попятилась от стола. – Не пристало прислуге за столом с хозяином есть.

– Оп-па! – Он даже рассмеялся, тут же властно указал ей на стул напротив и, когда она уселась, произнес, подмигнув: – Все зависит только от вас, Валентина.

– Что?

Она смотрела на него с испугом, не моргая, чем тоже приводила в восторг.

– В какой роли вы тут станете со мной обедать. В роли кухарки или... – Он старательно поиграл бровями, хотя не был уверен, что у него получится многозначительно. – Все зависит от вас.

– Что? – Ее круглое лицо без единой морщинки покрыл нежный румянец. – Что от меня зависит?

– Расскажу вечером. Вы ведь никуда не торопитесь?

– В смысле?

– На ужин могу рассчитывать?

– Конечно, Олег Иванович, конечно. – Она всплеснула руками, но вдруг задержала их у груди, смущенно улыбнулась. – Я хотела внести некоторую ясность, Олег Иванович.

– И? – Он насторожился, рука с вилок, с нанизанной на нее третьей котлетой, остановилась.

– Вам мама не сказала, что я у вас как бы угол снимаю. Точнее, ее комнату. Так вышло, что мне негде жить. Квартира мужа после его смерти перешла к его детям от первого брака, и меня попросили. То есть я осталась на улице.

Валентина говорила быстро, на губах – нервная улыбка. И это ему тоже понравилось. А уж то, что эта женщина никуда не станет уходить вечерами и всегда будет под рукой...

Она оказалась умницей. Не ломалась, не кривлялась, когда он предложил ей перебраться в его спальню.

– Мы с вами, Валентина, не подростки, ведь так? – бубнил Воскобойников после ужина в ее спину, она как раз мыла посуду. – Мы взрослые самостоятельные люди. И считаю, что тратить время на всякие там ухаживания, ужимки ни к чему.

– Я согласна, – проговорила она, тут же повернулась и крепко поцеловала его в губы.

И все! Засыпали они в одной кровати. Которую, она, кстати, застилала своим постельным бельем. Новым! Назвала его своим приданым со смущенным смешком и засуетилась, засуетилась. Потом долго принимала ванну. Вышла в красивой кружевной ночной сорочке с красным распаренным лицом, душистая, простая, милая, домашняя вся такая.

Воскобойников сомлел. Долго тискал и ласкал крепкое тело, сам не ожидая от себя такой прыти. Уснули они за полночь. Уснули в обнимку.

И проснулся он поэтому в радужном настроении, хотя Валентина уже встала и гремела посудой на кухне. Здорово!..

А еще предметом его радости был его подопечный раздолбай Серега Суворов, который надыбал такую информацию, что у Воскобойникова глаза полезли на лоб. И тут же сложился в голове план. Невероятный по своей смелости!

– Так как, Олег Иванович? – Серега смотрел на него коровьими преданными глазами. – Заработал я премию, а?

Воскобойников дал-таки ему две тысячи. Хрен с ним! Он теперь на кафе экономить станет, у него теперь дома такие обеды, завтраки и ужины!

– Заработал, молодец, – похвалил он его, тут же ухватил того за затылок. – Только об этом молчи! Не проболтайся нигде. Это может быть такой бомбой, Серега! Я могу стать не просто майором, я могу стать героем, если грамотно сработаю!

А сработать грамотно ему очень хотелось. И при этом никого не посвящать в свои дела. А начальству он доложил коротко.

– За Боголюбова, по сведениям, похлопотала какая-то баба.

– Что за баба?

– Болтают, у них раньше связь была, – соврал Воскобой-

ников.

– Да ну! – удивился начальник. – Он же вроде правильный такой был, семейный.

– Все правильные, товарищ полковник. Однако на сторону ходят. И семейности это не убавляет, и плохими отцами они при этом не становятся.

– Согласен, – крикнул начальник и тут же убрал от подчиненного взгляд.

Многозначительное молчание оба поняли как надо. Информацию про Боголюбова начальнику пришлось проглотить, и он отпустил Воскобойникова с миром.

А тот, вернувшись в свой кабинет, тут же забил в поисковой строке в своей базе данных, которую собирал уже лет десять, имя Гладьев Алексей. И долго читал потом и перечитывал. И удовлетворенно хмыкал.

Он не ошибся! Он на верном пути! Боголюбова выдернули с зоны не просто так. Либо используют его втемную, либо просто хотят воспользоваться его настырностью и умением добывать информацию.

– Поживем – увидим, Сережа, – щелкнул пальцем по его фотографии на мониторе Воскобойников. – Вы ищите, а мы рядышком пасть станем. А как найдете, мы вас и уработаем. И тогда станет ясно... Того ли ты убил тогда, умник? И так ли уж невиновна прекрасная женщина Алика Верещагина?

Эта женщина с таким невероятно красивым именем и

столь же красивой утонченной внешностью понравилась ему с первого взгляда. Он встретился с ней почти сразу после похорон ее мужа на ее территории, в добротном загородном доме с добротной дорогой мебелью. Долго извинялся и не решался задавать самые нужные и самые болезненные на тот момент вопросы. Все что-то мямлил, потел, казался себе неловким и особенно некрасивым. И еще он украдкой ее рассматривал. И чувствовал каждым нервом ее боль и одиночество. Он помнил дословно все, что она сказала:

– Нет, я не знала, что у Алексея была другая женщина.

– Нет, у нас все с ним было замечательно.

– Да, я узнала его голос по телефону. Ни на какой монтаж это было не похоже, потому что я задавала ему неожиданные вопросы, а он на них отвечал. Разве это может быть инсценировкой?

– Нет, думаю, нет, – согласно кивнул тогда Воскобойников.

– Я отвезла деньги. Нужную сумму. А они его убили! Зачем?! Почему?!

Он бы мог ей рассказать о том, что в двадцати случаях из двадцати одного похитители не оставляют в живых похищенного. Это крайне редко. Либо полиция успевает выйти на их след раньше, чем требования бывают выдвинуты, либо похищенному удастся сбежать. Но зачастую похищенного убивают сразу, как похитили. А все телефонные разговоры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.